

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИГОРЬ НЕГАТИН
ЭКСПЕДИТОР

Игорь Негатин

Экспедитор

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Негатин И. Я.

Экспедитор / И. Я. Негатин — «АЛЬФА-КНИГА», 2016

Его зовут Сергей Владимирович Шатров. Один из тех, кто сопровождает грузы для научных экспедиций. Пусть и не совсем обычных, но далеких от романтических и фантастических сюжетов. Обычная работа? Да, если бы не Его Величество Случай, который перевернет привычную жизнь нашего героя, забросив в одну из параллельных реальностей, где он столкнется не только с тяжелейшими испытаниями, но и с загадками, способными перевернуть историю человечества. Как тонка граница между мирами? Кто был первым, проникшим сквозь пространство? Кем они были – просто хронопутешественниками или некими сверхсуществами, которые создавали цивилизации во имя неизвестной нам цели?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Негатин И. Я., 2016
© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Пролог	5
1	6
2	10
3	14
4	18
5	22
6	26
7	29
8	33
9	37
10	41
11	45
12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Игорь Негатин

Экспедитор

Мы бы погибли, если бы не погибали.
Фемистокл

Пролог

Страх – у каждого свой. Мнимый или настоящий, но свой. Не боятся только глупцы и умалишенные, да и то сказать – до поры до времени, пока их не взяли за горло, озаря мир сполохами нестерпимой боли. Для одних страх серый, отливающий свинцовым блеском океанского шторма, для других – ослепительно-белый, как песок пустыни. Мой был окрашен теплым светом факелов, освещавших шершавые, блестящие от влаги гранитные стены и кованые, изъеденные бурой ржавчиной решетки, за которыми раздавалась мерная поступь охранников.

Утром меня казнят. Выведут во двор и накинута на шею петлю. Священник с испитым и обезображенным оспой лицом пробурчит скороговоркой молитву. Толчок, вышибающий из-под ног деревянную скамью, и все... Смерть. Надеюсь, она будет легкой.

Нет, я не рассчитывал жить вечно, но умирать, едва разменяв четвертый десяток, немного жаль. Тем более умирать в такой глуши, какой была эта старая крепость, затерянная среди множества параллельных миров, но это уже мелочи. Никому не нужные и не интересные. Почему? Разве это сейчас важно?

Я сидел на охапке гнилой соломы и напрягал память, оживляя картины прошлого, которое привело к такому безрадостному финалу. Напрягал с такой силой, словно разум был способен разорвать преграду, отделяющую от привычного бытия. Вглядывался в темноту, будто хотел увидеть все то, что для меня дорого. Увы, усилия были тщетны. Как я ни старался, зыбкие, едва различимые образы таяли, возвращая в жестокую реальность. Послышались шаги старика-надзирателя, шаркающего по истертым каменным плитам. Шаги становились все громче и громче. Вот звякнула связка ключей, щелкнул замок, и раздался хриплый старческий смех:

– Эй, парень, не пора ли тебе прогуляться? Палач уже ждет!

1

Как вы думаете, сколько параллельных миров известно современным ученым? Видите, я даже не спрашиваю – верите ли вы в потустороннюю реальность. Примите это как должное и не удивляйтесь. Параллельные миры существуют. Точка.

Итак. Десять? Двадцать? Сорок? Ошибаетесь. На данный момент собрана информация о семидесяти двух мирах, которые попадают под это определение, не считая миров-призраков, не поддающихся учету в силу своих, хм... особенностей. Каких? Я обязательно про них расскажу, но немного позднее. Слишком велико число? Не так уж и много, если подумать. Около двух десятков миров непригодны для обитания, еще десяток напоминает пороховую бочку с тлеющим запалом под названием «конец света». Остальные... Остальные изучаются по мере сил и возможностей. Если быть откровенным – это зависит от выделяемых государством денег. Вы ведь не ожидали, что этим промыслом занимаются частные лица? Это хорошо для фантастических романов, но в действительности все обстоит несколько иначе. Даже боюсь представить, какие суммы потрачены и какие людские ресурсы использованы для работы нашего института.

Сотка, а если официально, то 100-й Центральный научно-исследовательский институт Министерства обороны РФ, изучает параллельные миры чуть больше сорока лет. Не буду растекаться мыслью по древу, но замечу, что даже в самые плохие для России времена, когда государственные секреты раздавались направо и налево, информация о нашем институте не ушла за кордон, что позволило сохранить некоторые открытия и уникальные разработки. Да, за границей тоже есть подобные конторы, но сотрудничества, как вы понимаете, в этой области нет, и сомневаюсь, что оно когда-нибудь появится.

Разумеется, пиши я приключенческий роман, начал бы эту историю слегка иначе. С какой-нибудь залихватской перестрелки или разговора двух ученых о коловращении времен. С утренней чашки кофе, выпитой ослепительной блондинкой в компании сексапильного красавца, или рассказа о простом парне, который неожиданно провалился в прошлое. Увы, я никогда не умел описывать чужие судьбы, а поэтому и начну без особых предисловий...

Меня зовут Сергей Владимирович Шатров. Я пришел в институт десять лет назад. Пять лет отработал в лаборатории контроля, потом, после двух лет переподготовки, был переведен в отдел обеспечения. Нас называют по-разному: челноками, фельдъегерями, почтальонами. В документах именуют весьма скромно и прозаично: «экспедитор».

Чем занимаюсь? Сопровождаю грузы для экспедиций, изучающих параллельные миры. С одной стороны, это может показаться перестраховкой, но все совсем не так. Разные случаи бывали. Да, насчет экспедиций вы не ослышались. В двенадцати параллельных мирах работают наши сотрудники. Партии небольшие – от пяти до пятнадцати человек, которые уходят на срок от двух месяцев до одного года.

Не ведаю критериев отбора, но одно знаю совершенно точно: случайных людей здесь нет. Мечтателей и романтиков «далеких планет», на которых мы просто обязаны оставить свой «пыльный след», – тоже нет. Как нет и тупоголовых исполнителей, цепляющихся за строчки многочисленных инструкций. Как ни крути, наша работа не похожа на обычную государственную службу. Есть, так сказать, свои тонкости. Для понимающих.

Это в романах все просто и понятно. Попал какой-нибудь бедолага в сказочный мир или, не дай бог, наше прошлое и начал делать карьеру, полагаясь на интернет-зависимую память и опыт городского жителя, прочитавшего несколько книг о выживании. Нет, ребята, так не бывает! Если человек в нашем мире был никчемной пустышкой, то и в другом не изменится. Как сказал один умный человек: «Жизнь можно начать с чистого листа, но почерк

изменить трудно». Так и с персонажем. Даже если выдать замок с рыцарями и ящера с пожизненной гарантией. Недвижимость у «героя» отберут злые соседи, воины разбегутся, а дракон посмотрит-посмотрит, а потом плюнет огнем и улетит. От греха подальше.

Кстати, о попаданцах, про которых так любят и писать, и читать. Не стану кривить душой, утверждая, что таких не бывает. Бывает, но их судьбы весьма незавидны. Недавно попала на глаза книга, в эпиграф которой была вынесена фраза: «За год в РФ без вести пропадает более ста тысяч человек. Из них находят – в живом или мертвом виде – лишь четверть этого количества. Остальные пропадают бесследно...» Книга оказалась на редкость интересной, хорошо описывающей приключения таких «счастливчиков», а особенно их сомнительную пользу для иных времен и миров. Так что лучше путешествовать по старинке. Пусть и без приключений. Оно, знаете ли, хоть и скучнее, но безопаснее.

В тот день я находился на территории базы, расположенной... Хм... Расположенной вдали от административных центров с их забитыми рекламой улицами и бесконечными потоками машин. Не Сибирь, но и не Подмоскowie. Если кто-нибудь и заинтересуется этим местом, то ничего не обнаружит. Обычная войсковая часть, каких в России хоть пруд пруди. Склады или что-то на них похожее, а следовательно, и недостойное внимания иностранных разведок. До ближайшего поселка, раскинувшегося на берегу реки, около трех часов пути. До города и того дальше. На вертолете. В общем – один из полузабытых армейских гарнизонов, если не обращать внимания на охрану периметра и прилегающей к нему территории, которая, вы уж поверьте мне на слово, достойна секретов, находящихся под землей.

Мне жутко хотелось спать, и даже чашка крепкого кофе, выпитая натошак, не помогла. Я бы с радостью придавил подушку, но спать в кабинете начальника непозволительно глупо.

Напротив меня сидел Юрий Петрович Захаров. В свои пятьдесят он выглядел гораздо старше. Худое лицо аскета, глубокие морщины, седой ежик коротко подстриженных волос и тяжелый взгляд смертельно уставшего человека.

Кабинет – под стать хозяину. Потрепанная мебель, большой сейф с ободранными краями и следами мастичной печати, уставленный книгами шкаф. На столе стопка бумажных папок, телефонный аппарат и пепельница, до краев забитая окурками. Здоровый образ жизни здесь не в чести – нервы не железные.

Я сидел уже больше часа, уничтожая одну сигарету за другой, в ожидании пока он изучит мой рапорт о прошлой командировке в один из параллельных миров, который мы называли Свалкой. Почему именно Свалка? Ну а как иначе прикажете назвать некогда цветущий мир – цивилизацию, сгинувшую около двухсот лет назад? Причины? Они мне неизвестны, а из парней, которые там работали, лишнего слова не вытянешь. Радиационный фон в норме, опасных для жизни вирусов не обнаружено. По крайней мере, так утверждали ученые, проводившие разведку.

Исследовательская партия, работающая на развалинах, уже третья по счету. Первые две отработали штатно, без особых проблем. Вернулись, притащив бездну информации, на обработку которой уйдут годы. Если вы представили бесчисленное количество артефактов в деревянных ящиках с надписями «Не кантовать», то сильно ошибаетесь. В наш мир попадает ограниченное число находок. Большая часть изучается на месте, так что про иноземные сувениры лучше забыть. Чревато, знаете ли...

Наконец Юрий Петрович закончил читать и убрал бумаги в ящик письменного стола. Снял очки, устало потер переносицу и сцепил руки в замок. В конторе поговаривали, что он собирается на пенсию, но кто займет его место? Будет жалко, если уйдет. Все-таки не первый год вместе.

– Сергей, когда у тебя отпуск?

Я насторожился. Если начальство интересуется вашими планами, то про них придется забыть. Проверено на собственном опыте.

– Через три дня.

– Куда поедешь?

– В Крым.

– Крым – это хорошо, – кивнул он и поднялся. Подошел к окну и заложил руки за спину. Немного помолчал, потом вздохнул своим мыслям и повернулся ко мне. – Может, отложишь на недельку-другую?

– Что-то случилось?

– Нет, ничего особенного, но нужна твоя помощь. Стажера видел?

– Видел. Рвется в бой.

Стажер, о котором упомянул Петрович, – это Алексей Рогов. Двдцатипятилетний парень, присланный к нам два месяца назад. Парень хороший, но зеленый. Опыта, конечно, нет, ну так это дело наживное. Пока что изучает фронт работ и все свободное время проводит в тире. Не знаю, что он себе нафантазировал, но патроны переводит без счета. Наверняка полагает, будто у нас что ни выход, то перестрелка. Ничего страшного. Я сам был таким. Потом пообтерся и успокоился. Нет, пострелять, конечно, приходится, но это скорее исключение, чем правило. Работа у экспедиторов скучная, без героизма. Хотя... Что я вам рассказываю? Сами увидите. Со временем.

– Хочу, чтобы ты прогулялся вместе с ним, – после паузы продолжил Петрович.

– Куда?

– В Десятку. Пока ты сидел в карантине, мужики прислали запрос на дополнительное оборудование. Они что-то нашли, но рисковать не хотят.

– У Рогова уже были учебные выходы, – осторожно заметил я. – Тем более что в Десятке ничего страшного нет, да и операторы пристрелялись – доставят почти на место. Разве что на дикое зверье нарвется.

Десятка – официальное название мира, который мы прозвали Свалкой. Откуда я и вернулся неделю назад. Интересно, что ребята нашли? Вроде ничего нового не ожидалось.

– Лишним не будет. Понимаю, что устал, но Михаил в карантине, Валентин и Андрей в командировке, а остальные в поле. Больше некому, а подстраховать парня не помешает.

– Хорошо, – мне оставалось лишь пожать плечами. – Когда уходим?

– Завтра.

Я даже присвистнул от удивления. Если мы уйдем завтра, то вернуться сможем только через неделю. Потом неделя карантина, отчеты, какой-нибудь аврал, и мой долгожданный отпуск накроется медным тазом, а он, между прочим, сорок пять суток, не считая дороги. Тем не менее возмущаться не хотелось. Были причины...

– Как там Сашка?

– Врачи делают все возможное, – сухо отозвался он и махнул рукой, давая понять, что наш разговор окончен. Махнул и потянулся за сигаретами.

Сашка – это его сын, Александр Юрьевич Захаров. Мы пришли в институт почти одновременно и постигали науку вместе. Хороший парень. С таким можно и в разведку, и по бабам. Полтора месяца назад он нарвался на неприятности в одном из миров и чудом вернулся обратно. Выжил, но шансы на полное выздоровление никакие. Про работу экспедитора придется забыть. В лучшем случае Сашка вернется в лабораторию контроля – будет держать руку на пульсе таких, как я...

– Все будет хорошо.

– Я знаю. – Петрович дернул щекой и кивнул. – Ступай, займись делом.

Если выйти из административного здания и повернуть направо, то сразу окажешься перед воротами центра подготовки. База разделена на отдельные сектора, и если у вас нет допуска, то в некоторые из них вы просто не попадете. У меня допуск был, но охранник все

равно кивнул на сканер сетчатки глаза, висящий рядом с бронированной дверью. Да, охрана у нас на должном уровне...

Лешку Рогова я нашел в библиотеке. Это высокий светловолосый парень с открытым и наивным лицом юноши. Ему даже бриться не обязательно. Нет, что-то с нашим миром не так, если молодые мужики похожи на восемнадцатилетних юнцов. Задержка зрелости какая-то.

Мой будущий спутник изучал папку из архива. Полезное дело. В отчетах есть множество интересных вещей, о которых не рассказывали на курсах. Что там у него? Миры-призраки? Хм... Рановато ему про них думать, но ладно. Знания лишними не бывают.

– Ну что, Алексей Семенович? Привыкаешь?

– Понемногу... – Он посмотрел на меня и захлопал глазами.

– Вот и славно. Тебе про Свалку уже сказали?

– Да...

Изображать из себя бывшего путешественника между мирами не хотелось. Если стажер хочет побыстрее вырасти из коротких штанишек, он обязан думать сам. Нечего надеяться на более опытного напарника. Это расслабляет. Присмотреть надо, не без этого, но выход он будет проводить сам. Я иду так... Для мебели.

– Заканчивай свое внеклассное чтение и пошли готовиться.

2

– С чего начнем? – поинтересовался Лешка, когда мы перебрались в соседнее здание и подошли к двери, ведущей к лифтам.

Еще один пост охраны, плавное падение вниз... Добро пожаловать в технический центр! Для новичков, которые впервые попадают в эти помещения, впечатлений хватает надолго. Это наверху все просто – в стиле армейского минимализма, а под землей возникает ощущение, что попал в центр управления космическими полетами, что, если разобраться, не так уж и далеко от истины.

В этом отсеке три больших зала и два десятка кабинетов, не считая карантина и лазарета. Именно отсюда мы уходим на задания и сюда же возвращаемся обратно. Иногда с потерями, как это случилось с младшим Захаровым. Иногда в виде трупов. Мы своих не бросаем. Нигде и никогда. Даже если кто-то из нас погибнет, тело будет найдено и возвращено на родину. Это закон. Самый главный закон.

– Как сам думаешь?

– На курсах говорили, что надо составить план...

– Забудь, – отмахнулся я и повернул в один из коридоров. – Для регулярных поставок их никто не пишет. Они давно написаны, проверены и перепроверены, а от нас требуется лишь соблюдать правила и не влипать в неприятности.

– Сергей... – начал Рогов и замолчал.

– Что?

– Я читал отчет экспедиции в Семерку. У них руководитель Андрей Круз.

– Что тебя удивляет? – буркнул я.

– Это тот самый, который книжки пишет?

– Тот самый. В Девятке, например, еще и Денисов работает, так что мужики сюжеты берут не из воздуха, а из реальной жизни.

– Погоди... – Он даже остановился. – Вадим Денисов?

– Да.

– Круто... – выдохнул Рогов.

Я покосился на него и покачал головой. Нам только юношей бледных со взором горящим не хватало для полного и безоговорочного счастья. Мог бы рассказать, кто у нас разведчиков готовит на подмосковной базе, но решил не добивать парня. Во избежание, так сказать.

– Куда уж круче... Слушай, давай про литературу потом поговорим? Лучше скажи мне, напарник, что ты знаешь о Десятке?

– Один из параллельных миров... – начал ответ Алексей. – Цивилизация погибла около двухсот лет назад. Причина гибели до сих пор не установлена. Опасности для пребывания людей не обнаружено.

– Кроме хищников, – уточнил я.

– В данный момент там работает третья археологическая партия из двенадцати человек под руководством Михаила Олеговича Кондратьева.

– Наш груз?

– Пять капсул. Вес – пятьсот килограммов. Содержимое мне неизвестно.

– Кроме некоторых случаев, Алексей, нам этого и знать не положено.

– Да, конечно, – смутился он.

Черт побери, куда катится этот мир? Ведь здоровый мужик, а краснеет, как девица из благородного семейства!

– Ты уже принимал грузы?

– Нет, – покачал он головой. – Только наблюдал. Порядок знаю, но...

- Вот этим и займешься, – сказал я и толкнул дверь в лабораторию. – Привет, мужики!
- Привет бродягам! – отозвался один из лаборантов, не отрываясь от монитора.
- Наш груз готов?
- Куда собираетесь?
- На Свалку.

Оператор сверился с компьютером и после небольшой паузы кивнул:

- Шатров... Рогов... Все верно.

- Так что там с грузом?

– Обижаешь, начальник! – кивнул его коллега и похлопал по оранжевым пластиковым упаковкам. – Полтонны, не считая ваших бесполезных тушек и снаряжения.

- Завидуешь?

– Где уж нам, лабораторным крысам! Нас туда не пустят. Это вы, мужики, везунчики, все миры обошли. – Он подсунул мне папку. – Оставь автограф для потомков.

- Бюрократы...

– Порядок должен быть, – ткнул парень пальцем в потолок и усмехнулся. – Подписывай.

- Рогов подпишет, – кивнул я на стажера. – Это его выход.

- Тебя что, Шатров, списали? Пенсия на горизонте?

- Сказал бы я вам, ребятки, да неохота стажера в краску вгонять...

Если быть точным, то я побывал в девяти параллельных мирах, и все они чем-то похожи. По крайней мере, я нигде не видел ни эльфов, ни драконов. Разница, как говорит Петрович, только в состоянии и близости конца света.

Пока Алексей проверял пломбы на упаковках, я осмотрелся по сторонам и заметил еще несколько контейнеров.

- Это для кого?

- Для Вадима Денисова.

- Разве он еще не вернулся? – удивился я.

- Смена послезавтра уходит в карантин.

- Понятно...

К Денисову я ходил полтора месяца назад. Боже меня упаси от таких командировок, а он сидит там на вечном холоде и всем доволен. Только когда морозы ударили под шестьдесят, он выразил легкое недовольство тамошним климатом. Мол, «слегка похолодало». Повезло ему с миром, ничего не скажешь!

Экспедиция работала в довольно странном месте. Насмотревшись популярного сериала, мы прозвали его «Черный замок». Вадим не возражал. Более того – на одном из кунгов повесил самодельный плакат со словами «Зима близко!».

Его мир тоже после глобальной катастрофы, но там хоть выжившие попадают. Мало, но все-таки. Всемирное похолодание – не шутки. Рассказывал такие истории, что даже я, повидавший не один постапокалиптический мир, был шокирован. Хотя чему удивляться? Люди быстро превращаются в зверей. Намного быстрее, чем вы можете себе представить.

Не знаю, будут ли вам интересны технические подробности, тем не менее поясню правила нашего заведения.

В некоторые параллельные миры можно проходить без предварительного карантина. Это касается хорошо изученных миров, работа с которыми ведется не первый год. В противном случае перед заброской вы пятеро суток проведете в изолированном боксе, питаясь разной химической дрянью. На здешнем сленге это называется дорожкой. Такой же карантин вас ожидает и при возвращении, но уже вне степени изученности параллельной реальности. Как бы хорошо ни был исследован чужой мир, вернувшись, вы обязаны отсидеть положен-

ный срок, пройти обследование и сдать множество анализов. Рисковать, притащив какую-нибудь заразу, никто не хочет.

Пока Рогов подписывал все необходимые документы и наблюдал за началом погрузки, я прошел в соседний зал, где на тележках стояли капсулы ГТМ с распахнутыми люками. Грузовой транспортный модуль – эдакая сигара, покрашенная в цвет хаки, длиной чуть меньше четырех метров и диаметром около метра.

Есть еще и ДТМ – десантный, рассчитанный на двух человек со снаряжением. Торпеда, с помощью которой мы и перемещаемся между мирами. От грузового отличается наличием бортового компьютера, рацией, двумя камерами для видеоконтроля перед выходом и местами для экипажа. Для экспедиторов ложементы изготавливаются индивидуально, а между рейсами хранятся в боксах, там же, где и прочее оборудование, за исключением личного оружия.

Рядом с нашими стояло несколько капсул поменьше размерами. Эти предназначены для отдела Владислава Талицкого, изучающего миры-призраки. Одна из них была разобрана, а бородатый механик ковырялся в проводке и тихо матерился сквозь зубы. Влада не любил. Парень, конечно, гений, этого не отнять, но с гнильцой. Последний проект, над которым он трудился, был полностью засекречен. Причин не знаю, но коллеги, имеющие доступ к этой информации, его откровенно презирали.

Позади меня послышались шаги. Рогов...

– Сергей, я все проверил и подписал.

– Вот и славно. Пошли, снаряжение проверим.

– Оружие?

– Куда же без него...

В оружейной комнате было пусто, но едва мы закрыли дверь, как из подсобки появился один из сотрудников. Огладил усы и молча кивнул на журнал. Еще одна подпись, и на стол с глухим металлическим стуком легли две брезентовые сумки с нашивками, на которых красовались наши личные номера и фамилии.

Что касается карманной артиллерии, то в Сотке есть прекрасное правило: «Экспедитор выбирает оружие сам!» Если его нет в арсенале, в чем я сильно сомневаюсь, – достаточно написать аргументированную заявку. Мы стараемся не перебарщивать с пожеланиями, тем более что выбор – как отечественного, так и иностранного – богатый. Ограничений нет. Само собой, это касается лишь тех миров, где работают постоянные экспедиции. Если мы отправляемся на встречу с агентами-одиночками, а случается и такое, то выбор определяется эпохой параллельной реальности. Никто не позволит тащить современное оружие, если «на том свете» глухое Средневековье. Да, есть и такие миры, но про них расскажу в другой раз. Я чаще всего работаю в более цивилизованных, или, если позволите, в постцивилизованных мирах.

Так, что у меня здесь... Автомат Калашникова, а точнее АК-103, калибра семь шестьдесят два. Доработанный обвес, прицел Aimpoint Micro T-2, шесть запасных магазинов и разные не стоящие упоминания мелочи. Рядом лег Glock-17 и четыре магазина. Да, пистолет у меня иностранный. Что бы ни утверждали, лучше него ничего не придумали. Вы не согласны? Ваше право. Будет возможность выбрать – выберите что-нибудь другое. Дело личное, можно сказать, интимное. Лешка Рогов более патриотичен. Рядом с его автоматом лег ГШ-18.

После проверки мы упаковали оружие и боеприпасы в пластиковые мешки. Оружейник поставил пломбу – и все, с этим делом закончено. Пожалуй, я не стану описывать остальную часть подготовки. Полагаю, что прочее заинтересует вас гораздо меньше. В снаряжении нет ничего фантастического. Медикаменты, запас пресной воды, пайки на неделю, лагерные пожитки, спальники и палатка.

Закончив с делами, поднялись наверх и вышли на свежий воздух. Бабье лето... Паутины летают. В лесу, говорят, грибов много уродилось. Я бы не отказался прогуляться, но кто же нас выпустит за пределы периметра? Задание получили? Получили. Вот и сидите в секторе. Кстати, это еще одно из правил. После получения задания мы ограничены в перемещениях. Можем пройти в штабное помещение и дежурку, где есть несколько комнат для отдыха.

За оградой слышалось лошадиное ржание, оправдывающийся лепет и женский крик:

– Федоров, приведи лошадь в человеческий вид! Вольт должен быть круглым! Круглым, твою дивизию, а ты чего яйца квадратные выписываешь! Не можешь больше?! Тогда еще четыре круга! Пошел!

Я не выдержал и засмеялся. Вчера из Крыма вернулась Татьяна Гончарова – каскадер, а заодно наш инструктор по фехтованию и верховой езде. Навыки в некоторых мирах просто необходимые. Было бы хорошо зайти, поболтать за рюмкой чаю, да времени не осталось. Разве что выспаться...

3

Ночь выдалась паршивой. Напарник, занявший соседнюю койку, оглушительно храпел, и я долго не мог уснуть. Еще один признак накопившейся усталости. Раньше такие мелочи не тревожили. Нет, все-таки пора в отпуск. Крым, хорошее вино, женщины – и никаких чужих миров.

Под утро начал капать дождь. Хорошая примета – дорога будет чистой. Скромный завтрак, чашка крепкого кофе – и на выход. Лешку Рогова слегка трясло. Он храбрился и даже пытался рассказать какой-то бородатый анекдот, но оборвал его на середине фразы и затих. Аккурат в тот самый момент, когда мы подошли к шлюзам.

Дежурная проверка, и за нашими спинами закрылась тяжелая бронированная дверь. В этой каморке лежала аккуратно сложенная одежда и сумки с оружием. Переодеваемся, снимаем пломбы с баулов и набиваем магазины. Конечно, это можно было сделать и вчера, в оружейной, но правила есть правила. Теперь у нас только один выход – на посадку. Закончив с делами, я убрал пистолет в набедренную кобуру и повернулся к Лешке:

– Ты готов?

– Почти. – Парень попытался улыбнуться, но улыбка получилась ненатуральной.

– Оставь в покое разгрузку. Наденешь ее на той стороне, – посоветовал я и, видя, что он меня не понимает, пояснил: – Ты забыл про ложемент. Тебе будет неудобно.

– Да, конечно, – кивнул он и смутился окончательно.

Если приглядеться, можно было заметить, как дрожат его пальцы. Предстартовый мандраж. Это пройдет. Со временем.

Через несколько секунд открылась дверь, похожая на люк подводной лодки. В зале, на рельсах, стояли подготовленные к отправке капсулы. Вдоль бетонных стен змеились кабели силовой установки, которая виднелась в конце зала, – шесть металлических колец, каждое из которых напоминало крышку от БелАЗа. В этом «тоннеле» мы и исчезнем. На одной стене поблескивали узкие, похожие на бойницы окна с массивными рамами и толстыми стеклами.

Наш десантный модуль стоял третьим в этом импровизированном составе. Это сделано специально, чтобы максимально обезопасить экипаж. Иногда, во время «длинных» сеансов связи, когда отправляют пять или шесть капсул одновременно, могут появиться помехи, и канал захлопнется, как подхваченная сквозняком дверь. Чаще всего это случается или в начале переброски, или в конце. От капсулы, попавшей под обрыв канала, остаются лишь оплавленные фрагменты.

Ничего... Это в первый раз страшно. Потом привыкаешь и на десантирование смотришь как на неизбежное зло. Не знаю по какой причине, но мне вдруг вспомнился один психолог из числа столичных светил, подчиненных нашему мирному ведомству, который приезжал собирать материалы для своих исследований. Он был откровенно поражен результатами проведенных бесед. Так искренне удивлялся, что стоило больших усилий не расхохотаться, наблюдая за его гримасами. Не знаю, что он подумал и какие выводы сделал. Что личный состав подкармливают какой-нибудь химией, чтобы не сбрендили от свежего воздуха?

Психолог, похожий на доктора Уотсона, интересовался самочувствием, настроением и даже бытом. Задавал совершенно идиотские вопросы. Не страдаете ли вы от удаленности кинотеатров, клубов и ресторанов? Не хотелось бы продолжить службу поближе к столице? Не хотели бы съездить на какой-нибудь заграничный курорт, чтобы отдохнуть? Упомянул какие-то пафосные рестораны, из-за отсутствия которых мы должны были страдать, и снисходительно кивал, выслушивая наши ответы.

Господи, благослови... Как же ему объяснить-то?

В своих командировках мы побывали в стольких разных эпохах, что он и представить себе не мог! Даже в самых смелых фантазиях! Бывали в средневековых кабаках и трактирах, пробовали блюда, о которых он никогда не слышал и не услышит. Чему нам завидовать? Очередной модели навороченного телефона, который скоро расстанется со своим основным предназначением? Столичной давке? Современному искусству из мусора? Мы видели, как творили титаны Возрождения! Пусть и в параллельных мирах, ну и что с того? Это для нас их жизнь была параллельной, а для их вдохновения существовало божественное наитие! Так что еще надо разобраться, кто и кому завидовать должен.

К чему я это вспомнил? К тому, что опасности ничтожны по сравнению с впечатлениями от службы. Она тяжелая, а подчас и откровенно кровавая. Мы проклинаем командировки, но даже в снах и коротких передышках возвращаемся в иные миры. Как говорит наш штатный психолог старик Крамер – это, мальчики, уже не лечится...

Скажите, кто из вас, читающих эти сухие строки, отказался бы от возможности увидеть параллельную реальность? Миры, в которых живут эпохами наших прошлых столетий или, наоборот, нашим возможным будущим? Откажетесь? Вот именно... Так что собираем вещи и топаем на посадку.

Два техника, одетых в защитные костюмы, помогли нам устроиться и проверили ремни безопасности. Показываю им большой палец и располагаюсь поудобнее. Захлопнулся люк. Через несколько секунд раздался приглушенный звук сирены. Лешка что-то пробормотал и трепыхнулся.

– Не суетись и не дергайся! Перед нами еще две капсулы, так что тронемся только через четыре минуты.

– Да, конечно, – неожиданно хриплым голосом отозвался он. – Мне рассказывали...

– На учебных разве было иначе?

– Нет, но...

– Вот и не переживай. Без нас не уедут.

Не прошло и пяти минут, как наш модуль дернулся и медленно поехал вперед. Я глубоко вздохнул и закрыл глаза. За оболочкой капсулы послышался тяжелый, выматывающий душу гул... Он нарастал, сбивая сердечный ритм и заставляя сжимать кулаки... П-п-поехали!

Хлопок, удар и... тишина. Звонящая, опустошающая душу тишина.

Всего несколько секунд состояния «вне времени и пространства», а затем последовал легкий толчок, скрежет камешков, попавшихся на пути, и шелест травы... По левую сторону от меня зажглась тусклая синяя лампочка. Аккурат чтобы разглядеть кнопки небольшого монитора, закрепленного на внутренней стороне люка. Я не успел дотронуться до панели управления, как с небольшими паузами раздалось три оглушительных хлопка – прибыли капсулы, стартовавшие после нас. Внешние видеокамеры, пусть и с небольшими помехами, показали чужой мир... Пусто. Щелчок запоров – и в капсулу ворвались запахи этого мира. Душистый аромат трав и свежий, наполненный вечерней прохладой ветер.

Я выбрался из капсулы и поморщился. Далековато от цели приземлились. Этот луг, поросший чахлым кустарником, и развалины усадьбы, почти сровнявшейся с землей, я уже видел. Километра четыре от лагеря. Вот для этого экспедиторы в Сотке и существуют. Как бы ни старались операторы вывести груз, погрешности все равно неизбежны. Отклонения могут достигать нескольких километров. Это много, но с этим приходится мириться. Метрах в двухстах к северу темнел лес. Чуть левее – река с высокими песчаными берегами. За этим мысом, если мне не изменяет память, останки причала.

Следом за мной выбрался Рогов. Он держал автомат наперевес, хотя прекрасно знал, что первые полчаса нам некого бояться. При десантировании модули появляются в воздухе с

таким грохотом, что живность разбегается в разные стороны. Потом, чуть позже, они могут и вернуться... Из любопытства.

– Чисто!

– Пеленгуй лагерь.

На самом деле это лишнее – я прекрасно знаю, где он находится, но Рогову надо учиться. Он склонился над аппаратурой, сканируя эфир и пытаясь поймать сигнал, идущий от лагеря наших археологов.

– Есть сигнал! – Лешка поднял голову и кивнул. – Есть.

– Радируй в Сотку.

– Понял.

После обнаружения и связи с лагерем отсылаем подтверждение в институт. Дожидаемся квитанции на получение нашего РДО. Теперь надо обезопасить точку приземления и ждать гостей. Самое паршивое, что при перемещении есть не только погрешность доставки, но и совершенно не изученная погрешность времени, которая может достигать двенадцати часов. Иными словами – забросили рано утром, а сюда мы прибыли под вечер. То, что для нас представляется одним мгновением, для операторов, ожидающих прибытия, оборачивается долгим и мучительным ожиданием. Ребята из лагеря не пойдут нас искать ночью, а это значит, что ночевать будем здесь...

– Исполнено.

Я не успел ответить, как по рукам прошла легкая дрожь. Такое чувство, что по коже ударили сотнями иголок! В наши предплечья вживлены датчики – чипы, позволяющие запеленговать состояние. Если быть точным – два состояния: живой или мертвый. Судя по гримасе Рогова, он испытал то же самое. Пока парень морщился, я вытащил из капсулы автомат и набросил разгрузку. Теперь можно и оглядеться.

– Что, больно?

– Терпимо, – кивнул он.

– Вот и молодец. С прибытием, Алексей Семенович...

Через полчаса на эту чужую землю начали опускаться мягкие сиреневые сумерки. Скоро совсем стемнеет, и над головой появится звездное небо. Тихо потрескивала рация. Все шесть капсул легли в радиусе тридцати метров, что облегчило нашу задачу. Вдоль периметра мы расставили датчики движения. Если кто-то и появится, то браслеты, надетые на левую руку, дадут нам знать. В развалинах, рядом с местом высадки, развели костер. Где-то неподалеку закричала птица, потревоженная местным хищником. Рогов уселся на обломок мраморной колонны и обвел взглядом окрестности. Как всегда, после десантирования навалилась усталость и лютый голод. Чужой мир не забывал взимать дань с чужаков, потревоживших его покой.

– Непривычно? – спросил я и подбросил в костер несколько веток. Странно, но именно это обыденное занятие поражало новичков больше всего. Параллельный мир, а ты сидишь у огня, словно и не покидал нашу землю.

– Это не похоже на иной мир, – признался Алексей.

– Ты представлял Свалку как-то иначе?

– Немного...

– Когда-то я тоже так думал. После фантастических фильмов, напичканных эффектами, ожидаешь чего-то большего. Дремучих зарослей с гипертрофированной растительностью и мутировавшей живностью. Попадаешь – и видишь обычный, в сущности, мир.

– Только людей нет.

– Нет, – равнодушно согласился я. – Спи, подежурю.

Я знал, что он не уснет. Будет лежать и пялиться в небо, пока не забудется тревожным сном, но это лучше, чем оставлять парня на дежурстве. Из Лешки, переполненного новыми

впечатлениями, сейчас хреновый охранник, да и разговаривать желания не было. Подобные беседы с новичками всегда приводят к одному и тому же вопросу – что в нашей работе самое страшное?

Знаете, что самое страшное? Нет, не перестрелки с хищниками и выжившей нелюдью, которых можно встретить в некоторых постапокалиптических мирах. Такие конфликты – это проза нашей профессии. Пусть и не самая приятная, но и не самая ужасная. Страшно другое... Сколько бы миров ни открывали – ни в одном не было всеобщего благоденствия. Все миры – медленнее или быстрее – скатывались в бездну вселенского ужаса. Словно кто-то незримый, но обладающий невиданной властью, разочаровался в этих цивилизациях. Что будет дальше? Не знаю. Библейский Апокалипсис? «Мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся»... Сдается, что и это не самое ужасное.

4

Ночь прошла спокойно. На удивление. Нет, я не нагнетаю обстановку, но хищного зверья здесь много, редкая ночевка обходится без стрельбы. Попадают такие экземпляры, что поневоле задумаешься о более мощном калибре, чем у «калашникова». Начиная от волков, которые гораздо крупнее наших и достигают восьмидесяти килограммов, до саблезубых кошек, напоминающих давно вымерших смилодонов, и шерстистых носорогов, неизвестно каким образом выживших в этом мире. Ученые только руками разводили, когда получали отчеты побывавших здесь экспедиций. Эти звери, учитывая уровень цивилизации, пусть и погибшей, просто обязаны были исчезнуть.

Особенно много неприятностей доставляли носороги. Они, как и положено этим животным, обладали скверным зрением и крайне склочным характером. Полгода назад один такой рогач наткнулся на два только что приземлившихся модуля и был так этим расстроен, что разнес один из них вдребезги. Он бы разбил и второй, но два магазина, выпущенных из автомата, сделали свое дело, и трофей нам достался в «слегка испорченном» виде. Знатная была зверюга. Кроме этого есть и удивительные земноводные, в которых зоологи опознали далеких родственников сухопутных черепах. Двухметровой длины и весом почти в тонну. На голове этих монстров росли костистые наросты, отдаленно напоминающие корону.

Прямо над головой прожужжал разведывательный квадрокоптер. Прожужжал и, набирая высоту, резко ушел в сторону. Ну вот и гости пожаловали... Рогов приложил козырьком руку и проводил аппарат взглядом. Быстро ребята добрались. Думал, они прибудут позднее и я успею позавтракать.

Через полчаса вдали показался багги – аппарат, присланный сюда в виде конструктора для больших и серьезных мальчиков. Помещается – в разобранном виде – в четырех модулях ГТМ. Почти идеальное средство передвижения для здешнего климата. Их доставили еще в первую экспедицию, когда стало ясно, что мы здесь немного задержимся. Причина такого интереса? Извините, но я понятия не имею. Начальство нам не докладывает.

Следом катили еще три машины. Они шли чуть медленнее, таща за собой легкие тележки для грузов. Рогов, увидев эту картину, сразу расслабился и даже улыбнулся. Ну да, конечно. Если есть люди, то мир уже не кажется таким страшным. Это он зря. Со временем поймет, что расслабиться можно будет только тогда, когда вернешься и отсидишь положенный срок в карантине. Иногда случаются нехорошие истории. Даже со своими.

Знаете, почему младший Захаров едва не погиб? Один парень из экспедиции в Пятерке сошел с ума. Без всякого повода. Взял пулемет и, прежде чем его успели подстрелить, убил большую часть коллег. Пришел в палатку, где мужики в тот момент обедали, и выпустил в них двухсотпатронную ленту. В итоге – девять трупов и два тяжелораненых. Вот так бывает... Так что отдыхать будем дома.

– Странник, я Квартет! Как меня слышите? Прием!

– Квартет, я Странник! Слышу и вижу.

Следующую фразу перекрыли непонятные помехи. Сквозь шумы донеслась последняя фраза:

– ...оньяк при... зли?

– Привезли. – Я усмехнулся и пошел навстречу конвою...

Люди, впервые попадавшие в этот мертвый город, всегда почтительно замирали перед открывшейся картиной. Мелкая речушка, несущая воды по извилистому руслу, и изрядно обветшалый, но еще вполне пригодный для переправы каменный мост, за которым начинался Город. Мы не знаем, да и никогда не узнаем, как он назывался, но эти развалины достойны всяческого восхищения! Некоторые здания, на коих еще сохранились купола,

были облицованы разноцветной каменной плиткой, что создавало ощущение ожившей восточной сказки.

Сразу за мостом на высоких, почти трехметровых постаментах из белого мрамора стояли две статуи, изображающие буйволов с широкими, слегка изогнутыми рогами. Несмотря на почтенный возраст, они выглядели так, словно были поставлены еще вчера. Пусть их черная полированная поверхность и потускнела, но сохранила мельчайшие детали, созданные руками неизвестного мастера.

Разведывательный багги, где нам выделили два задних места, первым поднялся на холм и остановился. Один из парней перехватил мой взгляд и ухмыльнулся, кивнув на пораженного увиденным Рогова.

За этими статуями начинались городские кварталы. Развалины домов различной степени разрушения, среди которых буйно разрастались деревья, уничтожавшие следы человеческой деятельности. Город был большим. По некоторым оценкам, здесь проживало больше двухсот тысяч человек. Если сравнивать архитектуру с нашим миром, то нечто похожее на древние арабские города.

Нет, в город не сунемся. Перебравшись на другую сторону, повернули налево и съехали на берег. Примерно через полкилометра мы увидели возвышенность, на которой стоял лагерь наших археологов. Четыре большие палатки, ограда из колючей проволоки и вышка с пулеметчиком для защиты от хищной фауны.

Когда до лагеря осталось не больше пятидесяти метров, из палатки вышел черноволосый бородач. Знакомьтесь: Михаил Кондратьев – временно исполняющий обязанности царя этого мира. Первый, так сказать, после Бога.

Чуть позже, когда мы разобрались с документами, а Рогова увели кормить и выпытывать новости, мы с Кондратьевым засели у него в палатке. Если вы служили в армии, то интерьер этого жилища знаком до зубовного скрежета. Печка, брезентовая койка, стол, несколько табуреток и разная бытовая мелочовка, включая деревянный ящик с навесным замком, который, за неимением лучшего, изображал сейф.

– Господи, как надоело... – Мишка тяжело вздохнул и покачал головой. – Домой хочу! К жене и детям! Не знаешь, когда смена будет?

– Понятия не имею, – пожал я плечами. – По графику.

– Знаешь, где я эти графики видел?

– Догадываюсь. Там твои ребята что-то про коньяк спрашивали?

– Ну да. Привез?

– Если память не изменяет, то последним рейсом я уже доставил вам ящик коньяку.

Кстати, про «крайние» и «последние». Терпеть не могу, когда коверкают русский язык, к месту и не к месту используя слово «крайний». Коверкают даже те, которые и парашют видели только по телевизору. Особенно умиляют офисные барышни и прыщавые девоподобные юноши, которые с важным видом любят щегольнуть этим словом. Крайний, мать вашу так... Экстремалы доморощенные, хвостом вас по голове.

– Понимаешь, Серега... – протянул Кондратьев и развел руками. – На базу, хоть это и удивительно, вышел носорог. Пока его отогнали, он успел разнести несколько ящиков, среди которых был и доставленный тобой коньяк. Такая вот незадача, понимаешь...

– То, что носорог сунулся в лагерь, – это плохо, но меня поражает другое.

– Что? – Он посмотрел на меня с таким бесхитростным выражением на лице, что я не выдержал и расхохотался.

– Почему при любых неприятностях, Михаил Олегович, первым делом страдают ящики со спиртным? Надо будет подать Захарову идею, чтобы запретил эти поставки.

– Это еще почему?!

– Ну ты сам посуди, зачем хранить такие хрупкие вещи? Я лучше попрошу, чтобы побольше сгущенки загрузили. Сладкое, знаешь ли, очень полезно для организма!

Мишка покосился на меня и тяжело вздохнул. Коньяк, уничтоженный необъяснимыми силами и враждебными стихиями, – наша постоянная тема.

– В гробу я видал эту сгущенку! Я ее с армии ненавижу.

– Чего вы такого обнаружили, что меня вместо отпуска отправили к вам в гости?

Мишка стер с лица ухмылку и покосился на вход. Несколько секунд он молчал, потом поднялся и выглянул наружу. Вернулся обратно, уселся на табурет и кивнул:

– Присаживайся...

Он вытянул из пачки сигарету, закурил и задумчиво уставился в стол. Я терпеливо ждал. Есть, знаете ли, моменты, когда лучше подождать, если не хочешь, чтобы послали далеко и всерьез. Молчал Мишка долго. Так долго, что успел выкурить сигарету и прижечь новую. Высадив вторую, он впечатал окурочку в земляной пол и посмотрел на меня:

– В общем, Серега, мне здесь перестает нравиться.

– Не понял... – протянул я.

– Погоди, Шатров, давай обо всем по порядку.

Кондратьев поднялся, зажег походную газовую горелку и поставил на нее небольшой, выдававший вида чайник. Дождался, когда вода закипит, и приготовил нам по чашке кофе. Пусть и не так, как я люблю, но тоже неплохо. Задумавшись, он порылся в рюкзаке, достал фляжку и щедро плеснул коньяку в небольшие серебряные стаканчики, которые вместе с этой флягой считал своими талисманами.

– Будем! – Он поднял один из них.

– Будем.

– В общем... – Мишка залпом выпил коньяк и отставил стаканчик в сторону. – Эта хрень началась неделю назад. Аккурат после того, как мы тебя домой проводили. Помнишь, ребята жаловались на помехи в эфире?

– Помню.

– Так вот – начиная с того дня помехи возникают два раза в день... – Для убедительности он даже выставил перед собой два пальца. Не дождавшись ответной реплики, Кондратьев продолжил: – В одно и то же время, как по часам... В девять утра и шесть вечера. Помехи такие сильные, что на территории Города связь вообще не работает.

– Миша, – пожал я плечами, – ты знаешь, что я не разбираюсь в этих делах.

– Погоди! – Он поморщился и отмахнулся. – Это не все! Пять дней назад мы работали в одних развалинах. Обычная работа. Охрана бдит, мы кисточками машем, и тут... Словно волной ударило. Меня даже пот прошиб. Я обернулся, а за спиной площадь. Ну ты знаешь, та, что неподалеку от причала. Охранник сидел чуть выше и ничего не почувствовал. Словно этот удар над самой землей прошел.

– Что это было?

– Сергей, это уже пятый город, который мы здесь исследуем... И все они были похожи. Архитектура, предметы быта и прочие мелочи. Люди, жившие в этом мире, звезд с неба не хватало и в космос не летали. Если разобраться, они жили очень мирно. На сохранившихся фресках нет ни одного изображения воинов или военных действий, что само по себе очень странно. Как-то не похоже на человеческую натуру, не правда ли?

– Не похоже, – согласился я.

– Вот... – протянул Мишка и ткнул пальцем в небо. – В этом городе все немного иначе. Другие рисунки, другие находки... – Он поморщился. – Может, глянешь?

– Ты мне что, предлагаешь на экскурсию отправиться?

– Почему бы и нет?

– Миша, ты инструкцию экспедиторов хорошо помнишь? Все, что за пределами доставки грузов, нас не касается! Находки и впечатления – твои проблемы.

– Да знаю я, знаю! Только ты не первый год параллельные миры топчешь – всякое видал, а у меня половина команды зеленые новички.

– И что?

– Ничего! – Он вдруг разозлился. – Сергей, ты должен это увидеть.

– Это далеко? – после небольших раздумий спросил я.

– Минут двадцать, если пешком...

5

Площадь, на которую меня привел Кондратьев, находилась метрах в ста от разрушенного причала. Судя по останкам домов, здесь некогда был огромный базар. Здания, выстроенные вдоль периметра, были очень похожими – двухэтажными, из тесаного камня. На некоторых сохранились мраморные плиты, которыми были облицованы стены. На первых этажах, судя по широким и глубоким аркам, могли размещаться торговые лавки.

Сейчас это все исчезало, зарастая кустарником и диким виноградом, который опутывал дома, покрывая их плотным ковром зелени. Мы подошли к развалинам, где парни проводили раскопки, и остановились. Два охранника разошлись по сторонам, вглядываясь в безлюдные улицы. Мишка присел на каменный, украшенный завитушками обломок капители и закурил, давая мне возможность оглядеться.

Не буду лукавить – здесь и правда возникали неприятные ощущения. Такое чувство, что где-то рядом работал огромный трансформатор. Нет, никаких посторонних звуков не было, но ощущения не из приятных. В глотке пересохло, и я потянулся за флягой. Глотнул теплой воды, но легче не стало.

– Здесь даже зверья не попадает, – словно прочитав мои мысли, сказал Кондратьев. Он прищурился и обвел взглядом площадь. – Ни разу не видел. Даже сурков и змей.

– Не люблю змей.

– Их никто не любит, – равнодушно кивнул он.

Я глянул на место раскопок. На первый взгляд ничего необычного. Стандартная археологическая разметка, отвалы земли и несколько покосившихся флажков.

– Надеюсь, – кивнул я на участок, – ты меня позвал не черепки рассматривать?

– Нет. Как ты себя чувствуешь?

– Как тебе сказать...

– Можешь не отвечать, – усмехнулся Михаил. – Я и так вижу. Муторно, да?

– Есть немного.

– Пошли. – Он поднялся, закинул автомат на плечо и пошел на другую сторону площади.

Охранники двинулись следом, но послушно замерли, когда Кондратьев приказал оставаться на месте. Замерли, надо сказать, с большим облегчением. Станные дела здесь творятся...

На другой стороне площади я увидел улочку, загроможденную каменными обломками. Преграда Мишку не остановила, и он полез вверх, рискуя оступиться и свернуть себе шею. Я, мысленно чертыхнувшись, последовал за ним...

– Ну и как тебе моя находка? – спросил он, когда мы добрались до вершины.

Признаться, я даже не сразу нашелся с ответом...

Сразу за этим завалом находилось небольшое здание. Одна из его стен была обрушена, открывая нашим взглядам весьма необычную картину – круглый зал, чей пол был выложен мозаикой, а ее рисунок напоминал лимб картушки компаса.

Риски, нанесенные на внешнюю линию окружности, намекали на предназначение этого рисунка, но там, где мы привыкли видеть обозначения сторон света, располагались восемь полусфер разных цветов и размеров, изготовленных из темного стекла или отполированного камня. Кроме них была и центральная – самая маленькая по размеру. Судя по следам на запорошенном песком и пылью полу, Мишка там уже побывал.

– Это что, компас?

– Компас? – переспросил Михаил и покачал головой. – Нет, Сережа, это не компас...

– Вниз будем спускаться?

– Обязательно.

Звуки шагов гулко отдавались от стен, усиливая чувство, что мы здесь чужие. Кондратьев пересек зал и подошел к одной из сфер. Он каким-то образом вытащил ее из гнезда, стер рукой пыль и показал мне. Как оказалось, это не полусфера, а шар, до половины утопленный в гнездо на каменном полу.

– Ничто не напоминает?

– Твою мать...

– Да, – усмехнулся он. – Я, когда это увидел, тоже немного удивился.

– Немного?!

Передо мной был глобус... Самый настоящий глобус. На черной, до зеркального блеска отполированной поверхности были вырезаны очертания материков, причем с поразительной точностью.

– Погоди... – Я оторвался от этой находки и посмотрел на Мишку. – Это же карта нашего мира?

– Ты совершенно прав. Глобус Земли в нашей реальности. Самое интересное, что на нем есть несколько точек, но что они означают, – он покачал головой, – мне неизвестно.

– Пытался наложить на карту?

– Да, но это ничего не дало. Как сам понимаешь, слишком большая погрешность, чтобы сказать что-то определенное. Разве что примерный район поисков, да и то... На долю России приходится пять точек.

– Ну и дела...

– Это еще не все. – Кондратьев аккуратно вернул шар на место и подвел меня к другому. Очертания земель, изображенных на этом темно-бордовом камне, были мне неведомы. – Еще один глобус, но – увы, – Мишка развел руками, – неизвестного нам мира.

– Ты проверял?

– Прогнал карту по нашим базам. Этого мира нет в нашем списке.

Я оглянулся по сторонам. Восемь шаров...

– Зришь в корень, приятель, – усмехнулся он. Пусть и слегка кривовато, но усмехнулся.

– Не считая нашего... – пробормотал я. – Семь неизвестных миров?

– Ты совершенно прав. Центральный – как я понимаю, глобус этой Десятки.

– Признаться, даже не знаю что сказать. Голова кругом.

– Сережа, друг... – Мишка дернул щекой и хмуро посмотрел на меня. – Ты голову-то свою придержи. Это еще не все загадки.

– Чем еще порадуешь? – спросил я и потянулся за сигаретами, но передумал.

– Взгляни сюда.

Он сделал несколько шагов и подошел к окружности, опоясывающей это непонятное сооружение. Опустился на одно колено и провел ладонью по запыленной мозаике. Как я говорил – на ней были нанесены метки. Присмотрелся и увидел, что между центральным кругом и остальной поверхностью пола есть небольшая, едва различимая щель. Самое интересное, что риски, пересекающие эту щель, не совпадали.

– Ты хочешь сказать, что центральная часть пола... – сказал я и замолчал.

– Двигалась по окружности, – закончил Кондратьев. Некоторое время он наблюдал за моим лицом, потом хлопнул по плечу и предложил: – Знаешь, Шатров, пошли отсюда. Мне, признаться, здесь немного не по себе. Поговорим на свежем воздухе.

Мы выбрались наружу и через полчаса оказались в лагере. Вернувшись, засели в палатке Кондратьева. Кто-то из парней принес обед, и некоторое время мы молча стучали ложками, хлебая гороховый суп из концентратов.

Нет, мне приходилось видеть интересные находки, сделанные парнями в иных мирах, но ничего подобного не встречалось. Если честно – даже не знал, что и сказать по этому поводу. Мишка первым опустошил котелок и облизал ложку. Он всегда любил поесть.

– Ну как?

– Ты о чем?

– Как тебе моя находка?

– Понятия не имею. Как понимаю, центральная часть пола представляет собой диск, который может двигаться.

– Он не может... – тихо сказал Кондратьев. – Он движется.

– Что?! – Я чуть не подавился. – Ты уверен?

– Когда нашел зал, я сразу заметил щель в полу. Потом начались помехи в радиосвязи. Причем они были довольно странными. Сначала связь резко пропадала, а потом появлялась, но сопровождалась сильным треском. Мне стало интересно, и я записал эти звуки. На следующий день сделал еще одну запись и сравнил с предыдущей.

– Они совпали?

– Секунда в секунду. Кроме того, мне удалось начертить график. Смотри. – Он достал из набедренного кармана блокнот и показал несколько набросков. – Сначала идут сильные помехи. Видишь? Потом они ослабевают и затухают окончательно. Пауза на две минуты – и снова, – Мишка щелкнул пальцами, – сильный скачок. Такое ощущение, что кто-то пытается включить некий механизм, но он не хочет работать. Когда это повторилось два раза подряд, я наведалься в круглый зал и оставил там метки. На следующий день заметил, что они не совпадают.

– Диск сдвинулся?

– Примерно на два градуса.

– Ты говорил, что помехи возникают два раза в день? – вспомнил я.

– Да, и каждый раз этот проклятый диск поворачивается на один градус.

– Что думаешь делать?

– Описал находку как положено. – Мишка пожал плечами. – Пусть наши ученые головы ломают. Наше дело – найти и раскопать. Так что обратно пойдешь нагруженным.

– Плевать, – отмахнулся я. – Не на плечах же потащу.

– Кстати... Спасибо за технику, которую доставил. Она нам понадобится.

– Для изучения этой находки?

– А вот это, Сергей Владимирович, – усмехнулся он, – уже государственная тайна...

По идее, мы с Роговым должны были провести в лагере целую неделю. Дело в том, что экспедиций много, графики перемещений перегружены, а принять модули обратно не так уж и просто, как может показаться на первый взгляд. Нам этих проблем не видно, но у парней из технического отдела седых волос прибавляется не по дням, а по часам. Один из ребят, служивший до этого в авиации, говорил, что дозаправка в воздухе отнимала гораздо меньше сил и нервов.

В этот раз все произошло иначе. Уже на следующее утро после разговора с Михаилом к нам в палатку заглянул связист и передал расшифровку сообщения. Я прочитал, перехватил его удивленный взгляд и кивнул Рогову, который старательно соскабливал со щек цыплячий пух.

– Заканчивайте ваше бритье, Алексей Семенович, и собирайте вещи.

– Как так? – Он даже замер.

– Вот так. Сегодня вечером нас отсюда забирают...

Незадолго до назначенного времени вывезли капсулы в сторону от лагеря. Модули были уложены на землю с интервалом в полметра. Когда мы закончили, ко мне подошел

Мишка. Подал внушительный пластиковый пакет, опечатанный его личной печатью, и кивнул:

– Вот, это самое главное. Не потеряй по дороге.

– Не переживай, старый ворчун, – я усмехнулся и хлопнул его по плечу. – Надеюсь, вас скоро сменят, и мы успеем съездить на рыбалку.

– Надеюсь...

Потом... Потом все было как всегда. Включаем систему возврата и занимаем свои места в капсуле. Захлопнулся люк, и на мониторе пошел десятиминутный обратный отсчет. Самое паршивое время... Хлопок! Капсулу слегка качнуло. Еще один! Второй модуль ушел. Наша очередь...

6

– Сергей Владимирович, вы уверены, что атмосфера в археологической экспедиции была нормальной?

– Абсолютно.

– Никаких конфликтов или чего-нибудь подобного?

– Нет. – Я покачал головой и смял в пепельнице сигарету. Пятую с начала нашей беседы.

Мой собеседник хоть и недовольно покосился, но ничего не сказал. Он не любил курящих, но меня это мало волновало. Были проблемы и поважнее.

– Хорошо, но вы были в лагере не больше полутора суток и могли этого не заметить.

– Сомневаюсь. Если бы назревал конфликт, то Михаил Кондратьев имел возможность отправить виновника со мной. Такое уже случалось. В этом случае Рогов остался бы в лагере и вернулся в следующий раз.

Такие случаи и правда бывали. Несколько раз я вытаскивал парней из экспедиций в своей капсуле. По разным причинам... Конфликты с коллегами, тяжелые травмы, семейные обстоятельства. Это запрещено правилами Сотки, но человеческую жизнь трудно загнать в рамки служебных инструкций.

– Это непозволительно с точки зрения предписаний для экспедиторов.

– Алексей Рогов стажер, и, понадобится эксфильтрация одного из археологов, я бы взял на себя ответственность и оставил Алексея в лагере Десятки...

– И нарушили бы график последующих работ, – сказал он и недовольно поджал губы.

– Рогов еще не экспедитор, а стажер. Вы не хуже меня знаете, что он не включен в общий график дежурств, так что на работу института это никак не повлияло бы.

– Как вы полагаете, почему Кондратьев повел вас показывать свою находку?

– Он посчитал это важным.

– Почему?

– Не знаю.

– Может быть, вам или вашим коллегам во время командировок уже приходилось видеть нечто подобное?

– Нет.

– Откуда такая уверенность? Вы не разведчик и не исследователь.

– Я экспедитор, и нам приходится быть осторожными. Находки подобного рода заносятся в отдельную базу, которую мы обязаны изучать, чтобы избежать неприятностей.

– Хорошо. Благодарю вас за информацию. Отдыхайте... – Начальник поднялся, собрал со стола бумаги и пошел к выходу, оставляя меня наедине с мыслями.

Неприятности начались... Хотя какие, к черту, неприятности?! Маячки наших парней из Десятки погасли один за другим через шесть дней после моего возвращения! Объяснить, что это значит? Гибель третьей археологической экспедиции. В полном составе.

Группа быстрого реагирования была готова отправиться сразу после получения первых двух трагических сигналов, но заброска сорвалась из-за помех. Канал постоянно прерывался, грозя гибелью поисково-спасательной группе, и парней придержали «до выяснения». Все попытки связаться с экспедицией ни к чему не привели, и следом за первыми двумя погасли и все остальные маячки.

Судя по коротким промежуткам, на лагерь было совершено нападение. Перед рассветом. Дольше всех продержался Михаил Кондратьев. Операторы, пусть и совершая должностное преступление, рассказали, что он отбивался больше четырех часов, прежде чем вживленные в тело датчики констатировали смерть. В свое время я служил в группе кон-

троля и знаю, что чувствовали наши операторы. Это страшно – сидеть и наблюдать, как на экране гаснут жизни твоих друзей. Гаснут одна за другой, а ты сидишь, вцепившись в поручни кресла, тупо пялишься на монитор и ничего не можешь сделать...

Я вышел из штабного здания и увидел Вадима Денисова, вернувшегося из экспедиции несколько дней назад. Судя по хмурому выражению лица, он уже знал новости о Десятке. Вадим посмотрел на меня и кивнул:

– Привет. Уже слышал?

– Да.

– Трахома... – Вадим выругался и запустил сигарету в мусорку. – Как думаешь, что наши предпримут?

– Черт знает. – Я пожал плечами. – Поисковиков отправят. Для расследования причин их гибели и... И вообще.

– Парней надо вернуть. Не дело им в чужом мире оставаться. Тем более после смерти.

– Вернем.

– Ладно, Шатров, пошел я своих карапузов гонять, а то вернулись и сразу расслабились. Заходи, когда освободишься. Ребят помянем...

– Зайду.

Я проводил его взглядом и достал сигарету. Покрутил ее в пальцах, потом выбросил и повернул обратно. Вбежал на второй этаж и повернул направо. Туда, где на одном из кабинетов была табличка с фамилией моего начальника. Командир был на месте. Судя по всему, последняя ночь выдалась бессонной не только у меня.

– Шатров? – Он оторвал взгляд от документов и прищурился. – Чего тебе?

– Юрий Петрович, у меня есть просьба.

– Излагай, – сухо кивнул он.

– Включите меня в состав поисково-спасательной группы.

– Зачем?

– Во-первых, лучше ориентируюсь в Десятке, знаю примерные точки десантирования, а следовательно, мы быстрее доберемся до лагеря.

– Не аргумент.

– Я понимаю... Я знал Мишку Кондратьева около десяти лет.

– Тоже не аргумент... – Он немного помолчал, посмотрел на меня и прищурился. – Ты же в отпуск собирался?

– Петрович, ну какой тут, на хрен, отпуск?!

– Не наглевай, капитан! – оскалился он.

– Извините, – сказал я и отвел взгляд в сторону.

Начальство лучше не злить. Тем более что оно не виновато. Я тоже не виноват, но чувство, что упустил нечто важное, ставшее причиной этих смертей, не исчезало. Захаров выдохнул и незаметно помассировал левую сторону груди. Помолчал, постукивая пальцем по столешнице, а потом все же кивнул:

– Согласен, проводник им не помешает. Предложу твою кандидатуру Ивану Ивановичу, но чтобы там без глупостей!

– Какие уж тут глупости...

Иван Иванович Романов – директор нашего института. Высокий и крепкий мужчина, уже разменявший седьмой десяток. Он был похож на актера Алексея Глазырина, запомнившегося по фильмам «Белорусский вокзал» и «Щит и меч». Темные, с обильной проседью волосы, суровый взгляд из-под очков в черной роговой оправе и всегда плотно сжатые губы. Мужики его уважали. Было за что. Он строго с нас спрашивал, но и прощал очень многое, зачастую игнорируя служебные инструкции, если это шло на пользу делу.

– Прибыли, – продолжал Захаров, – проверили, собрали тела, законсервировали лагерь и ушли домой. Понятно?

– Так точно.

– Ступай. Будет нужно – вызовем.

– Кто пойдет на поиск?

– Манул.

Близников Павел Валентинович с необычным позывным «Манул» служил в институте уже лет шесть. За его плечами было столько горячих точек, что он давно перестал считать войны, в которых довелось поучаствовать. В институт попал после случая, приключившегося с ним во время одного из военных конфликтов. Подробностей, увы, не знаю, но после всего увиденного ему оставалась одна дорога – продолжать службу в нашей Сотке на должности командира одной из групп ПСС – поисково-спасательной службы.

Это невысокий шатен лет тридцати пяти с короткой стрижкой и вечно прищуренными глазами. Другьями мы не были, но по службе пересекались довольно часто. То, что пойдет Пашка, я знал сразу. Они с Мишкой Кондратьевым дружили семьями, и Манул никому бы не позволил отодвинуть его группу в сторону.

Совещание у Романова прошло как и положено – сухо, без эмоций. Мы не в театре, чтобы изображать вселенскую скорбь. Единственное, что себе позволил Иван Иванович, – в конце обсуждений открыть сейф и достать бутылку коньяку. Молча разлил по пятьдесят капель и приказал готовиться к выходу...

Мы уходим сегодня вечером, на трех капсулах ДТМ и четырех ГТМ. Группа, состоящая из пяти человек, и я в роли проводника. Времени было мало, и мы с Пашкой засели у него в кабинете, прикидывая возможные маршруты в зависимости от точки выброса. Ребята у него опытные, так что все проходило без лишней суеты. Уже через два часа все было готово, и мы, ожидая вызова от операторов, сварили себе по чашке крепкого кофе. В ближайшие сутки поспать все равно не получится.

– Слушай, Шатров, а почему мир Свалкой назвали? – разбирая бумаги, спросил Павел.

– Из-за находок первой экспедиции.

– В смысле?

– Город они нашли, – отхлебнув кофе, пояснил я. – Там на центральной площади была разбросана разбитая утварь: кувшины, блюда и прочая домашняя мелочь – вперемешку с костями животных.

– Мишка рассказывал о какой-то пирамиде... – начал он, но поморщился и замолчал.

– Скорее всего, он тебе рассказывал о пирамиде из человеческих черепов, но это нашли в другом городе. Была там одна непонятная история...

Закончить рассказ я не успел. Раздался телефонный звонок, Близников снял трубку, выслушал и после секундной паузы хлопнул ладонью по столу:

– По коням, мужики! Технари дали добро.

7

Погрешность десантирования зависит от груза. Чем больше капсул отправляется в другой мир, тем больше тратится энергии на поддержку канала и, как правило, больше разброс. Если бы мы отправлялись одним модулем, то оказались в зоне видимости лагеря. В нашей ситуации это слишком опасно, так что три километра, которые отделяли нас от цели, только на руку. В этот раз приземлились почти на берегу реки, и я, откинув люк, успел заметить, как в воду с тяжелым всплеском плюхнулась какая-то земноводная живность.

Следом за нами, поднимая клубы песка, появились другие капсулы. Одна из них повисла на краю обрыва, а потом скатилась по откосу и остановилась у воды...

На востоке занималась заря, и небо отливало желтой, начищенной до блеска латунию. Подул ветер, принося с пустоши мелкую, скрипящую на зубах пыль. Радист отправил радиogramму в Сотку, и мы, замаскировав модули, ушли на северо-восток.

К разгромленному лагерю вышли через полтора часа. Еще столько же ушло на разведку, прежде чем Пашка поднял ребят и мы вошли на территорию лагеря. Два человека обошли холм со стороны реки и заняли позицию между нами и мертвым городом. Началась работа...

– Двухсотый! Чисто!

– Чисто!

– Двухсотый! – Крики раздавались с разных сторон, и мне казалось, что жертв в лагере гораздо больше.

– Чисто!

– Двухсотый!

– Стреляли почти в упор, – поморщился Манул, когда мы сошлись в центре. Он плюнул на землю и кивнул в сторону развалин. – На краю лагеря несколько следов, которые ведут в сторону набережной. Судя по всему, их было не меньше десяти человек.

– Твою мать... – выдохнул я. – Кто это был?

– Почему я знаю? – ответил Пашка и пожал плечами.

К нам подошел один из его бойцов и протянул несколько гильз.

– Вот, нашли рядом с палатками.

– Не доводилось мне сталкиваться с такими... – Командир покрутил в пальцах одну из них и посмотрел на меня. – Серега, что думаешь?

– Гильза от полуунитарного патрона для винтовок Бернсайда или чего-то похожего.

– Это из какого времени такие?

– Если сравнивать с нашим миром, то вторая половина девятнадцатого века.

– И они что, с такими дудками взяли наших парней?!

– Не заводись. Наших здесь было двенадцать человек, из них только четверо были готовы к подобным заварушкам, да и то... – протянул я и отмахнулся.

– Расслабились, мать их так.

– Остальные – археологи, которых надо было просто заставлять носить оружие. Они же его оставляли где попало. Сам видел. Кондратьев, воспитывая, глотку сорвал. Меня, Паша, другое интересует...

– Что?

– Сколько оружия исчезло?

– В смысле?

– Сколько исчезло нашего оружия? – повторил я.

Вот тут и начались загадки. Как выяснилось, ни одного ствола из находящихся в разгромленном лагере не пропало. Я не знаю насчет остальной техники – покажет про-

верка, но стволы, которыми были вооружены археологи, остались на месте. Выглядело это довольно странно. Даже с точки зрения банальных трофеев. Итак. Почему нападавшие не взяли ни одного ствола, хотя сами вооружены антикварными винтовками?

– Запишем в загадки, а потом подумаем, – предложил Манул и огляделся.

– Пожалуй. Нам и так есть чем заняться, – кивнул радист.

Он был прав. Нужно собрать тела погибших, которые до сих пор валялись по лагерю.

Мишку Кондратьева нашли в овраге. Он лежал навзничь, уставившись в чужое небо. На изорванной и потемневшей от крови куртке десяток пулевых отметин. Судя по количеству автоматных гильз, жизнь он продал по хорошей цене.

Постояли, сняв головные уборы, а потом начали собирать трупы. Тяжелая и скорбная доля. Мне уже приходилось этим заниматься, и каждый раз... В общем – к чему пустые слова? Лишнее это. Погибших не вернуть.

В воздухе стоял едкий запах гари, к которому примешивалась сладковато-приторная вонь сгоревшего мяса. Четверых нашли на пепелище. Судя по всему, они даже не успели одеться. Еще двое лежали у входа в лагерь. Машины и бочки с горючим сгорели. Земля на этом месте почернела и еще дымилась, вспыхивая редкими языками пламени.

Охранников нашли у вышки. Убиты выстрелами в спину. Добивали в голову. Лиц почти не разобрать. Одному из них перерезали горло.

Вскоре после полудня все было закончено. Пашка стоял рядом со мной, смолил одну сигарету за другой и наблюдал за последними приготовлениями.

Я вспомнил о компасе, найденном Мишкой Кондратьевым. Какова вероятность, что этот механизм вдруг начал работать, впуская гостей из неизвестного мира? Древние технологии, о которых так любят судачить по телевизору, не всегда плод воспаленной фантазии. Есть нечто такое, что неподвластно разуму нашего века...

Город встретил пустыми глазницами обезображенных окон, хищным оскалом развалин и тишиной. Мы не стали задерживаться и перебрались к площади, где наши парни проводили раскопки. Под ногами посыпался песок, хрустнули мелкие камешки. Казалось, еще немного – и город вздохнет, недовольный нашим присутствием.

На разведку ушли вдвоем – я, Пашка Манул и боец с позывным Боня. Не знаю, за что его наградили таким прозвищем, но парень здоровый – пулемет в его руках казался детской игрушкой. Еще три бойца остались в лагере. Один из них запустил квадрокоптер с видеокамерой, которым часто пользовались для разведки. В наушнике зашумело:

– Впереди вас развилка... – небольшие помехи. – Чисто!

– Продолжаем движение, – это уже Пашка.

– Манул, вас понял!

Я заметил, как квадрокоптер задержался на перекрестке, а потом ушел вверх, наблюдая за нашим перемещением. Улочка, поросшая мелким кустарником, который пробивался сквозь вымощенную камнем дорогу, хлипкие деревья, растущие из щелей домов. Не самое приятное зрелище.

В другое время было бы интересно поразмыслить о причинах гибели этой цивилизации, но сейчас это меня не волновало. Тем более что причину гибели миров прекрасно описал Ефремов: «Все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности». Так что незачем удивляться, что здесь ничего не осталось, кроме дикого зверья, пыли и развалин. У меня были причины делать такие выводы.

Прочесывать весь город не было смысла. В здешних развалинах можно спрятать целый батальон, да так, что и следов не останется. Мы обсуждали эту проблему еще на базе, и поэтому было решено проверить город лишь до торговой площади и зала, в котором Михаил обнаружил неизвестное устройство...

Даже потом, спустя много времени, я не смог восстановить хронологию дальнейших событий. Скорее всего, мы просто напоролись на группу людей, которые, не подозревая о нашем присутствии, направлялись в разгромленный лагерь. Собирались забрать трофеи или что-то еще – осталось неизвестным. Как их не заметил разведчик – непонятно, но, скорее всего, незнакомцы шли по сохранившимся галереям, которые было трудно контролировать из-за густых зарослей кустарника.

Их было чуть больше десяти человек. Шли грамотно, в кучу не собирались, так что на нашу долю пришлось только три человека, которые вынырнули из-за поворота и замерли.

Первых двух срезал Пашка. Он выстрелил от бедра, давая нам возможность укрыться. Один из незнакомцев вздрогнул и упал на колени. Следом в игру вступил Боня, уложив сразу двоих. Еще одна длинная очередь! В ответ ахнуло несколько выстрелов, но палили наугад, не целясь.

Я пригнулся и присел рядом с аркой. Очередь! Еще один в минус. Чернобородый чужак в странном балахоне, похожем на одежду каких-нибудь кочевников, отшатнулся, пытаясь укрыться за углом, но зацепился и рухнул навзничь. По его телу ударили сразу с трех стволов, не оставляя ни малейшего шанса выжить. Над головой свистнула пуля! Она ударила в стену, осыпая мелкими и острыми осколками. Кто тут такой меткий?!

– Шатров, слева!

– Вижу! Ах ты, с-сука!

Очередь! Попасть не попал, но заставил нырнуть за камни. Раздался взрыв. Еще один! Пашка отправил за угол еще одну гранату и присел за камнем. Взрыв! Короткая очередь. Чей-то жалобный крик. Выстрел! Чужаки попятились, но еще огрызались. Понимаю, никому не понравится потерять сразу пятерых, но трусами они не были. Оттягивались назад, по направлению к торговой площади. Мы дожимали, но без глупой бравады, которая может обернуться кровью. Хватит нам потерь на этой чужой земле!

– Одного взять живым!

– Возьмем!

Я не ошибся. Незнакомцы стремились именно к тому самому круглому залу, где на полу был изображен странный компас. Они почти дошли до площади, потеряв еще двоих человек, которых мы завалили прямо на месте раскопок. Бежать им некуда – за их спинами открытое пространство. Нам оставалось прижать, отсекая пути отхода, а потом выдавить к реке, куда уже спешили наши парни из лагеря.

Последние из оставшихся в живых неожиданно разделились. Двоих удалось отжать к реке, и, судя по выстрелам, ребята скоро возьмут их за горло. Еще один – сухопарый и рыжий бородач в мешковатой одежде – выкрикнул что-то гортанно-матерное и рванул в сторону, уходя в теснины завалов и переулков, и у меня не оставалось другого выбора, как броситься за ним следом.

Пора бросать курить! Я, пусть и выхаркивая желтую слизь, почти догнал этого чужака в странных одеждах. Паскуда! Несмотря на свой развевающийся балахон, он ловко скользил по улицам, загроможенным каменными обломками. Еще и выпалить сумел в мою сторону, тварь. И ведь едва не попал! За малым промахнулся. Ничего, еще десяток метров – и достану! Еще немного...

В этот момент оборвалась связь. Эфир взвыл, забивая канал шумами и треском, а во рту пересохло, да так, что воздух застревал в легких, царапая горло проглоченной пылью! Еще рывок! Чужак выстрелил и начал карабкаться вверх по завалу, стараясь не подставляться под пули. Вот тут ты, сука, ошибаешься! Стрелять я не буду! Ты мне живой нужен. Живой и здоровый! Хотя бы временно! Поговорим, парень! Можешь не сомневаться. Вдумчиво и очень серьезно! Проклятая пыль!

Он рвался в круглый зал. Когда я добрался до вершины, он выстрелил! Пуля рванула за рукав, обжигая кожу огнем, но я уже прыгал вниз, стараясь не попасть ногой в расщелину между камнями и не свернуть себе шею.

В этот момент в зале возник свет, а на поверхности прозрачного купола, накрывшего зал голубоватым огнем, замелькали молнии. Бородач взвизгнул и опрометью бросился к центру этого компаса. Я ведь почти его догнал! Прыгнул на спину, сбивая с ног и прижимая к мозаичному полу. Почти...

Последнее, что успел заметить, – это огромный сгусток огня вроде шаровой молнии, который поднялся над центром зала и полыхнул ослепительной вспышкой...

8

Сознание вернулось сразу, словно кто-то щелкнул выключателем, возвращая меня в реальность. Вокруг было темно. Еще немного, и я поверил бы, что ослеп, но воздух был другим. Затхлым, пахнущим плесенью и пылью. Так пахнет в заброшенных подвалах и запасах провинциальных музеев.

Где-то капала вода. Мерно – капля за каплей...

Голова раскалывалась, лицо было липким от подсыхающей крови. Провел рукой по щеке и поморщился. Здорово меня приложило. Попытался нащупать автомат, но он, судя по всему, вылетел из рук во время последнего прыжка или драки. Пистолет в кобуре был. Нож в кармане разгрузки – тоже. Уже хорошо. Еще бы воды глотнуть – так и вовсе прекрасно будет. Дотянувшись до одного из подсумков, вытащил фонарик. Облизал губы и включил свет... Луч ударил по глазам яркой вспышкой и отозвался нестерпимой головной болью. Одно хорошо – я все-таки не ослеп.

Свет фонарика выхватил из темноты стены, выложенные из камня. Зал, пусть и гораздо меньших размеров, нежели в мертвом городе. Окон не видно. У дальней стены – деревянная, окованная железом дверь с мощными лапами тяжелых навесов. Пол, выложенный мозаикой, и несколько шаров-глобусов, до половины утопленных в каменные гнезда. Один из шаров был разбит. Рядом с осколками лежало тело мужчины. Того самого чужака, которого я почти догнал. Судя по остекленевшему взгляду и искаженному предсмертной гримасой лицу – он свое уже отбегал. Тьфу, паскуда...

Автомата нигде не было, но рядом с телом лежала винтовка. Это радовало. Все не пустой. Поморщившись от боли, я дотянулся до оружия, а заодно и стащил с мертвеца несколько подсумков. Хоть и не «калашников», но поспокойнее будет... Отполз в сторону, привалился спиной к стене и выключил фонарик. В темноте безопаснее, да и батарейки не вечные. Ощупал руку. Царапина. Пуля разорвала куртку и содрала кожу. Не сдохну, но перевязать надо. Подцепить инфекцию – в моем случае непозволительная роскошь.

Фляжка была на месте. Вода, хоть и теплая, оказалась весьма кстати. В одном из карманов нашлась плитка шоколада, но сама мысль о еде вызвала приступ тошноты. Все-таки легкое сотрясение мозга я заработал. Так, пищу в сторону. Пора разбираться, куда меня занесло и как выбираться обратно. Не сидеть же здесь до скончания века, уставившись на этот труп? Мало я их в жизни видел? Далеко не первый и, подозреваю, не последний.

Осмотр зала ничего не принес. Рисунок на полу был аналогичен найденному в мертвом городе, за исключением количества шаров. Здесь их было четыре, включая центральный, разбившийся по неизвестной причине.

Не знаю, как это произошло. Может быть, чужак успел выстрелить, когда я схватил его за горло, или еще что-то подобное, но факт оставался фактом – вместо шара-глобуса лежало несколько крупных осколков. Мелькнула одна шальная мысль, но оставил ее на потом – есть дела поважнее.

Дохромал до двери. Посторонних звуков не было. Только мерно капающая вода, которая отсчитывала время неизвестного мне мира. Дверь заперта, а стучать и ломиться не рискнул. Могут ведь и открыть, да так принять, что не обрадуешься.

Вернулся к трупу и начал его обыскивать. Причиной смерти, как понимаю, стал разбитый затылок. Неудачно упал. Бывает. Что тут? Балахон из плотной ткани серого цвета, шальвары, широкий, расшитый узорами пояс и сапоги с загнутыми вверх мысками. Обычная, в сущности, одежда для жителей жарких стран, но черты лица далеко не восточные. Я бы сказал – европейские, но в современной Европе такие дела творятся, что неизвестно, какой тип лица считать «классическим». Там скоро приезжих мусульман будет гораздо больше, чем

коренных жителей. Особенно если учесть плодovitость приезжих и толерантность местных по отношению к извращенцам. Ладно, не будем о грустном. Досужие рассуждения о судьбах Европы мне не помогут.

Срезал с трупа штаны. Крайняя плоть не обрезана. Значит, не мусульманин. Уже легче. Связываться с религиозными фанатиками, которые по любому поводу зовут «Аллу в бар», не хотелось. С одеждой разобрался. Оружие? Уже упомянутая винтовка, напоминающая одну из моделей Бернсайда. Полтора десятка патронов. За поясом нашелся и пистолет вроде того, из которого ухлопали Авраама Линкольна. Капсюльный, однозарядный, сорок четвертого калибра. На вид – игрушка, а дырку может сделать весьма серьезную. Что еще? Кривой кинжал с накладками из слоновой кости и серебряной инкрустацией. Пороховница из рога, круглые пули в кожаном мешочке и бронзовая коробочка с капсюлями.

Там же, в поясе, нашелся и кошелек с десятком серебряных, грубо изготовленных монет, украшенных истертыми надписями, похожими на арабскую вязь, и несколько неизвестных мне камней величиной чуть больше голубиногo яйца. Напоминает гагат или, если вам будет угодно, черную яшму. Золотой перстень с пустым гнездом от камня и странный амулет из куска неизвестного мне металла, завернутый в лоскут тряпицы. Негусто...

Нет, ну это уже просто классика всех попаданцев! Едва загремел в параллельный мир – сразу начал обрастать хабаром! Для полного счастья не хватало божественной печати, по которой меня тотчас признают королем или императором, черт бы их побрал! В том, что меня занесло в один из параллельных миров, я уже не сомневался. Монеты, найденные в мертвом городе, видеть доводилось – ребята из археологической партии показывали. Эти даже близко не похожи.

Это значит, что надо выбираться наружу. Надежды на то, что проклятый механизм вдруг возьмет и сработает, вернув меня в привычную Десятку, очень мало. Тем более что один из шаров был разбит, а это не добавляло веры в испорченную... технику.

Заодно проверил и мелькнувшую прежде догадку. Какую? Осмотрел глобусы в надежде найти хоть что-то знакомое, за что можно будет зацепиться. Нет, я не помню наизусть карт всех обитаемых миров, но те, в которых работали наши парни, знаю неплохо. У нас с этим строго – готовили на совесть.

На миры-призраки, над изучением которых трудится группа Влада Талицкого, не похоже. С ними вообще сложно. Связи устойчивой нет, постоянных экспедиций, насколько известно, тоже нет. Появляются неожиданно, вторгаясь в чужую реальность, а зачастую и прихватывая с собой людей. Миры-призраки – это отдельная и очень сложная тема. Не для моей ситуации.

Ребята?

Ребята меня, конечно, отыщут, если...

Если этот параллельный мир нам известен. В противном случае чипы-маячки не помогут. Обшарил труп в надежде найти что-нибудь полезное и нащупал на руке браслет, связанный из пучка разноцветных нитей. На нем висел ключ... Не поверите – я вздохнул с большим облегчением! Сидеть и медленно умирать от голода, ожидая посетителей, не хотелось. В том, что ключ должен подойти к двери, я не сомневался. Этот бородач определенно был главным в шайке. Видел остальных. Пусть и в прицеле, но то, что по одежде они отличалась от моего дохлого соседа, успел заметить. Прочая братия была одета гораздо хуже.

Мысли разбегались, не давая возможности сосредоточиться на главном. Ладно, где наша не пропадала! Не замерз в Девятке, когда окрестило двухнедельной пургой, не пропаду и здесь. Правда, тогда меня вытащил Вадим Денисов, каким-то особенным чутьем предсказав точку моего десантирования, но это дела дней минувших. Он тогда плюнул на инструкции, взял собачью упряжку и в одиночку рванул на поиски. Нашел, за что я ему до сих пор очень благодарен.

Соваться к двери не стал. Вместо этого занял место рядом с выходом. Если кто-то и ворвется, у меня будет несколько лишних секунд, чтобы рассмотреть здешних хозяев. Пока еще тихо, надо проверить личные вещи. Итак... В чем ходят экспедиторы Сотки? Как и с оружием – зависит от личных предпочтений. Если мир знакомый, где уже работают наши экспедиции, то пляшем от климата. На мне была «Горка-4», а точнее – «Барс», комплект из брюк и куртки-анорака, туристические ботинки одной итальянской фирмы для горных маршрутов, легкий свитер и термобелье. Ну и перчатки из текстиля с кожаными вставками. Кстати, почему в книгах никогда не пишут про перчатки? Обувь ведь обсуждают, смакуя и фасыны, и производителей, а руки тоже беречь надо! Ничуть не меньше, чем ноги.

Разгрузка, а точнее ременно-плечевая система с подсумками. Она удобнее для переходов, нежели разрекламированные в фильмах жилеты.

В подсумках остались ненужные магазины для «калашников», четыре запасных магазина для пистолета и нож. Разная мелочовка вроде фонарика, запасных батареек, двух пачек сигарет, зажигалки и коробка охотничьих спичек. Перевязочный пакет, жгут, часы, компас, плитка шоколада, не съеденная во время короткого перекуса, и пачка армейских галет. Если разобраться, то для попаданца, которых любят описывать авторы фантастических романов, я довольно неплохо экипирован. Просто богач, черт меня возьми!

В этих делах и размышлениях прошло два часа. По крайней мере, так показали мои часы. Полагаю, причем не без оснований, что меня пару раз вырубало от травм и усталости. Как я уже говорил – переход в другие миры всегда сопровождается потерей сил. Как правило, хочется спать и жрать. Жрать не хотелось. Меня до сих пор мутило. Наконец собравшись с силами, я поднялся, собрал оружие, вещи и подошел к запертой двери. За ней по-прежнему стояла мертвая тишина. Ни шагов, ни криков... Ну что, Сергей Владимирович Шатров, не пора ли взглянуть на мир, в который вас занесло?

Совершенно секретно

100-й Центральный

Научно-исследовательский институт

Министерства обороны Российской Федерации

Вх. № 0024/3 от 15 сентября 2014 г.

Начальнику Поисково-Спасательной Службы

100-й ЦНИИ МО РФ

РАПОРТ

Настоящим докладываю, что в ходе проведения поисково-спасательной операции по розыску Третьей археологической экспедиции (100-10/3А) силами личного состава 2-й группы Поисково-Спасательной Службы под моим командованием обнаружено место боестолкновения с неустановленным противником.

На месте столкновения обнаружено двенадцать тел с многочисленными огнестрельными и колото-резаными ранами, которые предположительно и послужили причиной смерти. После проведения первичных мер опознания установлено, что тела принадлежат сотрудникам вышеуказанной археологической группы 100-10/3А. Среди них обнаружено тело начальника экспедиции – д-ра ист. наук М. О. Кондратьева.

При выходе в квадрат ведения разведки (см. приложение № 3) группа подверглась вооруженному нападению с применением легкого стрелкового оружия. В ходе столкновения нападавшие были полностью уничтожены.

На месте боя обнаружено десять тел нападавших. Также с места боестолкновения изъято 24 (двадцать четыре) единицы огнестрельного и холодного оружия (см. приложение № 5).

Вверенная мне группа потерь не имеет. Потери приданного личного состава: пропал без вести экспедитор отдела обеспечения капитан С. В. Шатров, прикомандированный к группе в качестве проводника. Во время последующих поисков удалось обнаружить личное оружие капитана С. В. Шатрова – автомат АК-103 (номер 08143396-2010). Дальнейшие поиски результата не принесли. С учетом необходимости продолжения операции было принято решение о прекращении поисков. В соответствии с полученными инструкциями была организована операция по эвакуации останков тел силами личного состава.

К рапорту прилагаются:

Список личного состава 2-й группы Поисково-Спасательной Службы 100-го ЦНИИ МО РФ (приложение № 1 на 1 л.). Фотодокументы с места происшествия (приложение № 2 на 22 л.). Карты проведения разведки (приложение № 3 на 4 л.). Схема боестолкновения группы ПСС с неустановленным вооруженным формированием (приложение № 4 на 3 л.). Список огнестрельного и холодного оружия, изъятого на месте боестолкновения (приложение № 5 на 2 л.).

Командир 2-й группы

Поисково-Спасательной Службы

майор П. В. Близников

9

Скажу честно – малость потряхивало. Я ведь, в сущности, не разведчик параллельных миров, чтобы гулять по ним без эмоций и переживаний. Разведчики Сотки – элита нашего института. Они работают и выживают в таких местах, что впору фильмы снимать. Если гриф секретности позволит. Мужики серьезные, не чета мне. Я простой экспедитор. Почтальон. Вроде Печкина из мультфильма, только без велосипеда, да еще с кучей проблем в обозримом будущем.

С другой стороны, я немного фаталист – если занесло в этот мир, то не просто так. Нет, в божественное Провидение не верю, но одно важное дело для меня найдется. Если не сдохну в первый же день, как это случается с большинством попаданцев. Не с теми, которые в романах, а с настоящими. Иногда нашим парням приходится с ними сталкиваться.

Информация о них приходит разными путями. Из отчетов экспедиций, которые находят останки людей с предметами из нашего мира. Иногда – из чужих летописей, изучаемых по возможности не менее тщательно. Вы уж поверьте мне на слово, процент выживших среди провалившихся в иные миры ничтожно мал.

Всегда умиляли описания чувств литературных персонажей-попаданцев, которые, едва провалившись в другой мир или прошлое, начинали строить планы своего возвеличивания, пересчитывать запасы и прикидывать виды на возможный хабар. Вот так, сразу, без акклиматизации и эмоций. Это красиво на бумаге, но в жизни все немного по-другому.

Половина таких «героев» сходит с ума. Треть из оставшейся части погибает в первые дни. Некоторые проживут чуть дольше, но засыплются на какой-нибудь бытовой мелочи и закончат дни в кандалах или на виселице. Оставшиеся и приспособившиеся превратятся в хмурых циников. Вы будете смеяться, но в наших методичках даже описан некий синдром, рассказывающий про подобных уникамов. Синдром Исаева. Того самого, который Максим Максимович.

И боль... Долгая, не дающая покоя боль от сознания того, что твои близкие остались по ту сторону *барьера*. Это вам не банальная эмигрантская ностальгия, а нечто большее. Попал и сразу побежал завоевывать мир – для романтических व्यуношей, которые не выби-
рались дальше родительской дачи. Исключения бывают, но они чертовски редки. Человеческая натура, господа, штука очень сложная. Иной здоровяк, ломающий руками подковы, может сорваться в глубокую депрессию и сломаться, а худосочный паренек стиснет зубы и будет жить. Интеллигенты, рассуждавшие о морали и духовности, неожиданно звереют и становятся изощренными убийцами, а неприметные трудяги берут в руки оружие и уходят в вечность, как настоящие герои.

Так что никаких сверхцелей, о которых любил рассуждать старик Станиславский, у меня не было. Мир спасти тоже не собирался. Что мне нужно? Выжить и, по возможности, узнать про бородатых мальчиков, которые шляются по чужим мирам, как по родному кишлаку. Во избежание подобных визитов в будущем. Ну и должок вернуть за наших погибших ребят. С процентами.

Совершенно секретно
100-й Центральный
Научно-исследовательский институт
Министерства обороны Российской Федерации
Вх. № 0039/3 от 18 сентября 2014 г.
Начальнику Поисково-Спасательной Службы
100-й ЦНИИ МО РФ

РАПОРТ

Меры, принятые отделом контроля и наблюдения для установления местонахождения экспедитора отдела обеспечения капитана С. В. Шатрова, не принесли результатов. Пеленгация проводилась согласно нормативам 100-го ЦНИИ МО РФ, в установленных диапазонах (см. приложение № 1).

Начальник отдела контроля и наблюдения
100-го ЦНИИ МО РФ
подполковник Б. Ф. Савельев

Начальнику 100-го ЦНИИ МО РФ

Ходатайствую о продолжении поисков и привлечении к ним дополнительных сил из числа компетентных специалистов.
Начальник ПСС полковник А. Г. Григорьев

Поиски продолжать! При необходимости разрешаю обратиться к руководителю 3-й группы проф. Талицкому В. С. за помощью и консультациями.

Начальник 100-го ЦНИИ МО РФ
генерал-лейтенант И. И. Романов

Замок тихо щелкнул, и я замер. Оставалось толкнуть дверь.
Господи, благослови...

Не то чтобы я верил в Бога, но вот так попросишь – и вроде немного легче. Вроде и не один, а с кем-то. Дверь открылась без скрипа. Я даже навесы ощупал. Так и есть – смазаны на совесть. Несмотря на слой пыли, которой были покрыты каменные плиты, заброшенным это место не выглядело. Луч фонарика выхватил из темноты винтовую лестницу. На стенах, сложенных из гранитных валунов, виднелись кованые, изрядно проржавевшие подставки для факелов, которые оставляли на руках мелкое рыжее крошево. Поднялся на четыре пролета, прежде чем почувствовал дуновение свежего воздуха. Прислушался, но ничего не услышал. Разве что шум далекого морского прибоя. Или это у меня в ушах шумит от усталости?

Последний лестничный пролет был обрушен, но оставался узкий лаз, в который, пусть и раздирая ладони, я умудрился протиснуться. Обломки камней, треснувшая и потемневшая от времени деревянная балка. Арка, почти сровнявшаяся с землей. Подземелье было запряжано в развалинах древней башни, остатки которой скрылись в зарослях душистого кустарника и высокой, пожелтевшей от солнца травы. Все это я увидел, когда выбрался наружу.

Стояли теплые сумерки. По-летнему томные и прозрачные. Ни жилья, ни людей видно не было. Метрах в сорока от развалин начинался резкий, высотой в три десятка метров, обрыв. Внизу, на узкой полоске берега, хищно скалились камни. И море. Пустынное, до самого горизонта. Холмистые берега, поросшие густыми зарослями. Кривые и низкорослые деревья, редкие пальмы. Скалы из песчаника. Вдали темнели горы с шапкой вечных снегов. Куда же меня занесло? Мелькнула глупая мысль – рвался ты, Шатров, в отпуск в Крым? Вот и получай. Солнце, море и все прочие... радости. Только не надорвись, отдыхая.

Далеко уходить не стал. На этот счет в нашей Сотке существовали инструкции, вбитые в голову на уровне рефлексов, чтобы спасателям, найди они способ меня вытащить, не пришлось колесить по округе в поисках коллеги, затерявшегося в одном из миров.

Ко всему прочему было необходимо понаблюдать за этим местом. Если сюда кто-нибудь наведается, нужно попытаться узнать о мире, в который зашвырнуло, словно котенка. Ну и отлежаться немного. Если получится.

Веки наливались свинцом, дополняя усталость, которая придавливала к земле. Надо было найти укрытие и поспать. В развалины соваться не стал. Присмотрел место в зарослях, откуда просматривалась башня и заросшая, едва видимая тропа, ведущая на запад.

Хоть и валился с ног от усталости, но дождался наступления темноты. Никто не пришел. Засыпая, пытался вспомнить – что же такое знакомое слышалось в крике бородача, когда он пытался убежать? Да и наряд его нукеров соответствовал. Надеюсь, что язык хотя бы отдаленно будет похож на арабский. В этом случае смогу договориться с местными.

Арабский язык я знал. Философские беседы вести ни к чему, а для общения знаний будет вполне достаточно. Другие языки? Английский, испанский и латынь. В центре подготовки этому уделяли особое внимание.

Как показала практика, в некоторых параллельных мирах языки почти не отличаются от наших, что на руку исследователям. Само собой, это не касалось парней, отправлявшихся в миры Средневековья, где сам черт ногу сломит в попытке разобраться в смеси языков и наречий. С другой стороны – тех ребят и готовили по особой программе. Преподávalи от этикета до фехтования и верховой езды, но даже это не уберегало от нелепых ошибок и промахов. Разные случаи бывали.

Случалось, что парней вытаскивали из командировок с таким шумом и перестрелками, что они впоследствии могли превратиться в легенды о карах небесных, обрушившихся на чересчур активных служителей культа. Это я к тому, что одного парня чуть не сожгли на костре за богохульство. По крайней мере, нам так рассказывали. Что произошло на самом деле, никто не знал. Может, он знатную горожанку прижал где-нибудь на сеновале, а муж возьми и нагрэнь. Не вовремя...

Солнце пробилось сквозь узорчатую листву и заставило проснуться. Поднялся на локтях и осмотрелся. Ничего нового, кроме... Вот дьявол! Проспал! У развалин был привязан ишак с истрепанной попоной, украшенной кисточками. Примерно через полчаса из арки появился и его хозяин – седой как лунь старик с морщинистым и дочерна загорелым лицом. Узкая борода, свисающая почти до пояса. Какой-то истрепанный балахон, широкие штаны серого цвета и обувь, похожая на постолы.

Старик выбирался с такой поспешностью, словно за ним гнался Иблис! Почему Иблис? Черт знает, но я никак не мог отделаться от ощущения, что здешняя вера близка к исламу. Уж слишком наряд у старца... характерный. Только чалмы недостает для полного сходства. Выбравшись из арки, он поднялся, бросил настороженный взгляд по сторонам, отвязал ишака и потащил упирающееся животное по тропе вниз. Шустро, надо заметить, двигался. Для старца, конечно. Мне показалось, что он еще вернется. И скорее всего, не один...

Я не ошибся. Старик вернулся через четыре часа, когда солнце уже подходило к зениту. Вместе с ним прибыл и какой-то важный господин верхом на лошади в сопровождении пятерых всадников в красных мундирах. День был жарким, и парни откровенно страдали от жары и пыльной дороги. На загорелых лицах темнели полосы пота. Их начальник тоже был не в восторге. Презрительно и недоверчиво кривился, выслушивая старика, но тем не менее приказал солдатам лезть в подземелье. Не знаю по какой причине, но первая мысль, которая пришла в голову, – колониальная Британия. Черт знает почему. Красные мундиры, белые ремни портупей, черные подсумки и пробковые шлемы в белых матерчатых чехлах, но без британской кокарды. Нет, какой-то знак на них присутствовал, но он больше напоминал непонятного зверя, вставшего на дыбы, чем шестиконечную звезду, увенчанную короной.

Оружие? Длинные винтовки с гранеными штыками. Судя по куркам – капсюльные. Присутствовал и короткоствол, но разглядеть не удалось – пистолеты, а может, и револьверы, были упрятаны в кобуры с широкими клапанами.

Тело доставали долго. Так долго, что командиру, сидящему на лошади, это происшествие изрядно надоело, и он, вытащив из кармана портсигар, закурил сигару. Когда его бойцы выволокли мертвеца из арки, он склонился в седле, посмотрел на убитого, а потом, судя по всему, грязно выругался. Погибшего даже не обыскали. Перебросили через круп лошади и уволокли вниз по тропе. Следом за кавалькадой поплелся старик, не переставая кланяться и что-то бормотать, поглядывая на мертвое тело...

10

Прибрежный город, открывшийся моему взгляду, был расположен на берегах большой бухты, чьи очертания напоминали огромную фасолину. На севере виднелись белоснежные вершины горной гряды, которая частоколом опоясывала здешние поля и виноградники. Со стороны моря поселение было защищено скалистой косой, над которой возвышался серый, изъеденный временем бастион.

Судя по количеству кораблей в порту, местные жители не имели оснований жаловаться на провинциальную скуку. У одного из причалов стоял паровой фрегат, так что с эпохой я, похоже, не ошибся. Сравнивая с нашим миром – первая половина девятнадцатого века. Четыре судна с пузатыми купеческими обводами замерли на середине гавани. Между ними сновали лодки, нагруженные корзинами. Еще одно судно стояло у пирса, и по трапу, как муравьи, брели бронзовые от загара человечки, сгибавшиеся под тяжестью огромных тюков.

С архитектурой было сложнее. Даже не знаю, с каким городом сравнить, чтобы описать все открывшееся моему взору. Ожидал увидеть стройные минареты, увенчанные полумесяцем, но их не было. С другой стороны, полумесяц, как знак мусульманского мира, – глупость несусветная. Ни в одном первоисточнике о Крестовых походах, вы не найдете выражения, что борьба христианства с исламом изображалась как борьба креста с полумесяцем. Даже на старинных мечетях он встречался крайне редко. В отличие от знамен сельджукских племен, на которых полумесяц просто сплошь и рядом. Так что символ скорее династический, чем религиозный. Есть и другое мнение – что османы после завоевания Константинополя позаимствовали полумесяц у византийцев. Вопрос спорный и далекий от истории этого мира. Христианских крестов, кстати, тоже не заметил. Было несколько зданий, похожих на католические храмы, но их венчали простые остроконечные шпили.

Я вышел к городу спустя сутки после первой встречи с местными жителями. Оставаться на месте не было смысла. Разве что оставить знак, что жив и относительно здоров. Что я и сделал, нацарапав над аркой число «100». Окажись я ранен или изувечен, один из нулей изобразил бы перечеркнутым. Два перечеркнутых – «нахожусь в критическом состоянии». Кому надо, поймут. Если доберутся. Будь этот мир известен – отдел контроля давно бы меня запеленговал, а это сопровождается неприятными ощущениями. Этого не произошло, так что оставалось надеяться только на себя и удачу, не покидавшую меня во множестве других миров.

Оружие и вещи пришлось спрятать. Тащить их в город было откровенно глупо. Как и не сменить одежду, но с этим сложнее. Я даже пожалел, что не раздел рыжего бородача, но, немного поразмыслив, решил, что это слишком опасно. Одно дело – чужак, появившийся в городе неизвестно откуда, и совсем другое – чужак с вещами убитого, которые мог опознать кто-нибудь из знакомых. Именно поэтому забрал не все. Оставил на теле не только кошелек с парой монет, но и амулет вместе с кинжалом и пистолетом. Да, любой из вас возмутился бы таким неразумным поступком! Хабар во все времена – это святое, но извольте немного подумать: подставлять голову под обвинения в убийстве мне совсем не хотелось.

Появляться в своей одежде не выход, а в город попасть просто необходимо – переходить на подножный корм желания не было. Есть, знаете ли, в выживании принцип *разумности*. Одно дело сидеть в дикой глуши и бить зверя на прокорм и другое – рядом с городом, где все необходимое присутствует в должном количестве.

Кроме этого, должны были быть и фермы, расположенные за городом, но туда лучше не соваться. Как правило, люди, живущие на отшибе, относятся к чужакам куда подозрительнее горожан. Бывали прецеденты, знаете ли... Про некоторые и вспоминать не хочется.

На окраине города, рядом с воротами, виднелась застава: будка для караульного, пять или шесть красномундирников, слоняющихся без дела, и целая вереница повозок, запряженных быками. Еще один караван спускался по извилистой дороге – десятка полтора ослов, нагруженных высокими корзинами. Погонщики подгоняли животных, но те, судя по всему, не обращали на это внимания и скорости не прибавляли. Они были гораздо умнее своих хозяев. Куда торопиться, если перед воротами очередь?

Все это я наблюдал из зарослей на холме, расположенном метрах в ста от восточных ворот. Здесь же, среди камней, спрятал и все свои вещи, оставив только найденные монеты, камни и нож. Рукоять пришлось обмотать полосками ткани, вырезанными из термобелья, а заодно испачкать их в глине, чтобы не привлекали внимания. Хотя... Вряд ли. Клинок уж слишком заметный. Здесь таких нет. На голову повязал косынку и мысленно представил себя со стороны...

Черноволосый мужчина лет тридцати с небольшим, высокий, загорелый, с короткой стрижкой. Глаза карие, усов и бороды нет. Двухдневная щетина, но это уже мелочи. Оставалось решить – в какой ипостаси появиться в этом городе? Я бы согласился на роль бродяги, но кто знает, как к этому образу отнесется здешняя стража? Бездельников нигде не любят. Могут и завернуть, а то и арестовать, отправив на городские работы. Объясняйся с ними потом...

Грабить какого-нибудь путника, чтобы разжиться одеждой, тоже не выход. Не следует начинать знакомство с чужим миром с ненужного насилия. Рыжий не в счет. Ему воздалось по делам его, и совесть меня не мучила.

В город я пробрался лишь на следующее утро, вместе с толпой крестьян, которые шли на рынок. Мне просто повезло. Дважды. Первый раз – когда услышал людскую речь и в этой суетливой разноголосице разобрал обрывки испанских и арабских фраз. Второй – когда солдаты на заставе отвлеклись на тучную и крикливую женщину, не пожелавшую заплатить торговую пошлину. Нет, я определенно везучий! Так и проскочил, старательно сутулясь, чтобы не возвышаться над толпой грязных и покрытых пылью оборванцев. Я уже проходил сквозь тень городских ворот, а в спину еще вонзался пронзительный визг торговли:

– Будьте вы прокляты, потомки шайтана!

Мощенная камнем улица, заполненная народом, привела меня на небольшую площадь рядом с портом. Она примостилась между домами, похожими на ласточкины гнезда. Один из множества базаров в старой части города, где можно было купить все – от одежды до невольников. Хотя нет, извините, на таких маленьких базарах рабов не было. Живым товаром торговали на окраинных рынках, расположенных за чертой городских ворот, – одна из особенностей здешних законов.

Затопленная людьми площадь гудела, звенела, ругалась и спорила, торговалась, воровала, жила и умирала, будто огромное живое существо! Немного осмотревшись, я купил лепешку с мясом. Их готовили прямо здесь – на большой, пышущей огнем жаровне, среди жуткой антисанитарии, но голод не тетка. Желудок у меня крепкий, приходилось есть и не такое. Торговец сунул в руки румяную лепешку, отсыпал горсть медяков взамен серебряной монеты и вежливо кивнул, отворачиваясь к новому покупателю. Скорее всего, он здорово меня надул со сдачей, но черт с ним! Переживу как-нибудь.

Не успел сделать и нескольких шагов, как навстречу попался грязный оборванец. Он завертелся вокруг меня, словно в сакральном танце, корчил рожи, кривлялся, как безумный, а потом впился в одежду и завизжал:

– Ты пришел, чтобы отсрочить большую войну! Большую войну! Оставайся, оставайся! Если не закончишь, то заберешь ее с собой! Такова воля всевышнего!

– Да пребудет с тобой мир и благословение Аллаха. – Я осторожно отцепил его грязные, покрытые глубокими язвами руки и повернулся, чтобы уйти.

– Запомни! – Его голос срывался на хрип. Казалось, еще немного – и он упадет на землю, корчась в экстазе. – Если не закончишь, то забереешь ее с собой!

Чтобы отделаться от этого бедняги, я сунул ему несколько медяков. Он жадно схватил монеты, завертелся волчком и обессиленно упал на колени, простирая руки к небу.

– Гу!!!¹

Скорее всего, это был один из здешних блаженных, вроде дервишей. Не самое приятное зрелище – их тела покрыты струпьями, а лохмотья полны разной ползающей гадости. Отойдя в сторону, я присел на кучку камней и осмотрелся. Отсюда было видно море, мачты кораблей и вечная толчея портовых городов независимо от того, в каком мире они находятся.

Неподалеку от меня начинался торговый квартал. Более серьезный, нежели базарные палатки, выстроенные из неоструганных жердей и полотна. Там виднелись лавки, рядом с которыми сидели тучные торговцы, приветливо кивающие чистой публике. Хм... интересно. Оборванцев там и правда не было. Причиной, как понимаю, явился военный патруль из трех человек, которые стояли на рубеже улиц и наблюдали за здешними прохожими. Тех, кто им не нравился, заворачивали сразу. Полагаю, что мне, покрытому толстым слоем пыли, туда лучше не соваться.

Вскоре заметил еще один патруль... Вот дьявол! Они ходили по базару, приглядывая за порядком. Часто брали в оборот здешних оборванцев и отводили их в сторону. Попасться красномундирникам не хотелось. Поднялся, но тут заметил благообразного господина, рядом с которым стоял писец с ящиком для письма и несколько мужчин. Рабочих набирают? Куда? Послышалось несколько фраз на испанском.

Оглянулся – патруль был почти рядом. Эх, была не была!

– Простите, сеньор... У вас не найдется какой-нибудь работы для меня?

– Что ты умеешь делать? – Он все же посмотрел в мою сторону. После небольшой, но хорошо выдержанной паузы.

Хотелось ответить старым анекдотом про «могу копать, а могу и не копать», но передумал. Не поймет ведь. Еще и охрану кликнет. Вон они, забавляются с одним из пойманных бродяг. В воздухе мелькала плеть и слышался рев несчастного.

– Я согласен на любую работу, сеньор.

– Ты не похож на бродягу.

– Увы... Превратности судьбы.

Он усмехнулся. Хороший знак. Оставалось кротко потупить взгляд, вздохнуть и развести руками. Что я и сделал, заслужив еще одну снисходительную улыбку. Он прищурился и кивнул:

– Постой и подожди.

Может быть, кому-то это и покажется неправильным, но иного выбора у меня не было. Выжить в чужом мире трудно. Не стану надоедать досужими измышлениями на этот счет, но вы уж поверьте мне на слово. Трудно, а подчас и невозможно. Причина – во множестве факторов, описаниями которых пестрят инструкции нашего института. Разница не только в мирах или эпохах. Дело в самой сущности современного человека. Можете назвать это изнеженностью или еще как-нибудь – ничто не изменится. Не надо морщиться и обиженно надувать губы. Не стоит. Право слово, лишнее это.

Вы не согласны? Хорошо – забудьте на время про иные миры и всего на несколько минут представьте себя в Африке. Без денег, документов и средств связи. Хотя... К черту Африку! Возьмем любой город. Пусть даже и не в России, а в «цивилизованной» Европе, на которую любят ссылаться поборники «человеколюбивого» порядка. Итак, Европа, где вы оказались без документов и средств к существованию. Представили? Вот и чудно. Теперь

¹ Одно из имен Аллаха: Он.

возьмите листок бумаги и попробуйте расписать свои действия на несколько ближайших дней, чтобы не остаться с пустым брюхом и выспаться в тепле.

Написали? Только честно. Красиво выглядит? Сомневаюсь.

Это еще наш мир и наше время. Возьмем другую эпоху? Отбросим в сторону рояли в кустах, благодаря которым вы стали властителем земель и заручились поддержкой сильных мира сего. Что остается? Радужное будущее тускнеет на глазах. Оно становится серым и незавидным. Его и будущим-то назвать рука не поднимается. Так... пара дней на пленэре, пока не сдохнете под забором или не превратитесь в бесправного раба на плантациях. Не нравится слово «сдохнете»? Возможно, но смертью это назвать трудно. Будь вы даже очень крутым бойцом, повидавшим на своем веку и кровь, и грязь. Разумеется, именно с вами этого не случится. Возможно... Поверьте, я искренне этому рад. Только многочисленные факты о приключениях таких бедолаг предполагают иные... перспективы.

11

– Серхио, как же ты оказался столь далеко от родины?

Лошадь недовольно фыркнула, и мужчина успокаивающе похлопал ее по шее.

– Как вам сказать, сеньор...

– Ладно, это меня не тревожит, – отмахнулся Федерико Линарес. – Пока ты старательно выполняешь свою работу, это не так важно.

Федерико Гарсия Линарес – мой работодатель, с которым я познакомился неделю назад. Тот самый кавалер на базарной площади, благодаря которому я сумел избежать знакомства с местными правоохранительными органами. Он приехал в город, чтобы нанять землекопов для своего предприятия. Очень, надо заметить, вовремя. Потому что этот город неприветлив к чужакам.

Федерико, если не ошибаюсь, не больше сорока пяти лет. Черноволосый и черноглазый. Невысок ростом, обладает внушительным животиком, но очень подвижен! Длинные, уже начинающие седеть волосы схвачены в хвост. Когда начинал злиться – а выходил из себя Линарес очень быстро, – загорелое лицо сначала бледнело, а потом наливалось дурной кровью. Щегольские усики и эспаньолка начинали топорщиться, лицо искажала злая гримаса – и все, тушите свечи... Проблемы с рабочими решал быстро. Для начала пускал в дело плеть, а потом могла быть и пуля. В общем, не церемонился с пролетариатом.

Одевался даже в поле так, словно собрался на вечеринку. Хотя... Это, наверное, вполне нормально для этих времен. Синий сюртук, серые брюки и высокие сапоги. Рыжий жилет, рубашка с воротничком-стойкой и черный галстук с алмазной заколкой. На голове мягкая, вечно покрытая пылью шляпа. Кожаный пояс с небольшими подсумками и кобура с капсюльным револьвером. Напоминал одного из персонажей фильма «Овод», в котором снимался Олег Стриженов. Был там один благообразный господин со слабыми нервами...

Теперь, когда у меня появилось немного времени, могу рассказать про мир, в который я попал. Если быть точным – город.

Город назывался Базалет-де-Энарью – один из прибрежных городов, расположенных в южной части Европы, находящихся под властью Испанской короны. Эти некогда спорные территории отошли испанцам совсем недавно, и порядок здесь только устанавливался. Раньше земли принадлежали одному из мусульманских племен, которые враждовали со всеми подряд, а между делом совершали набеги на христианские владения. Дело закончилось тем, что их разбили в морском сражении, поставив наконец точку в этом вопросе, который решался несколько столетий подряд. Большая часть населения исповедовала ислам, а христиане только насаждали свою веру. Насаждали, надо заметить, осторожно, не рискуя ввязываться в открытое столкновение.

Федерико Линарес – археолог, или, как здесь принято называть этих господ, ученый-антрополог, проводивший раскопки рядом с Базалетом. Встреча с ним была большой удачей. Одной из тех, которые принято считать улыбкой Фортуны. Поначалу он нанял меня простым землекопом, но уже через неделю я занял должность десятника. Как это произошло? Очень буднично, без фейерверков и салютов. Народ здесь хитроватый и ленивый. Хитрозадый, если предельно откровенно.

Самую мелкую проблему рабочие раздували в нечто особенное, лишь бы сложить кирки и лопаты, устроив незапланированный отдых. Я не вмешивался. Не люблю лезть в задницу начальству, в каком бы мире оно ни находилось, но тут дело принципа. В конце одного из дней, когда платили жалованье, я получил ровно четверть от положенного. Надутый индюк, который ведал финансами, пояснил, что большую часть дня рабочие ни черта не делали, а посему и оштрафованы. Нет, выяснять отношения не стал. Тем более что кас-

сир был прав. Я просто улучил момент и прижал одного из бузотеров, который больше всех драл глотку и ничего не делал. Взял за горло в темном уголке и предложил подыскать другое занятие, пока он не получил киркой по черепу. Парень не понял и даже схватился за нож. Зря он это затеял. Глупо и хлопотно. Потому что сначала он получил кулаком в челюсть, а потом упал и сломал себе руку. Или сломал, а потом упал. Это уже не столь важно.

Через два дня меня пригласили в палатку Линареса, стоявшую на отшибе от остальных. Он долго пялился на мою покрытую пылью внешность, а потом поджал губы и процедил сквозь зубы:

– Я слышал, что ты взялся вершить суд над рабочими? По какому праву?!

– Нет, сеньор.

– Ты лжешь!

– Нет, правда, и вы это прекрасно знаете. Я защищал свой собственный кошелек от непозволительных расходов.

– Хм... Откуда ты родом?

– Я русский.

– Русский? – В его глазах мелькнуло удивление. – Далеко же ты забрался...

– Да, сеньор.

– Умеешь ли ты читать?

– Конечно, сеньор.

– Знаешь арабский язык?

– Да.

– Разбираешься ли в картах и планах?

– Смотря в каких, сеньор. На роль шкипера точно не гожусь.

– Этого и не требуется. Взгляни. – Линарес кивнул на стол, на котором лежало несколько свитков и карта.

Как я понял, на плане был изображен участок земли, на которой он проводил раскопки. Ничего сложного. Я пояснил, как смог, все увиденное. Линарес удивленно дернул бровью и прищурился. Разглядывал меня так, словно первый раз видит. После недолгой паузы он поднялся и подошел ко мне.

– Один из моих помощников недавно умер, – сказал он. – Он был старателен, но глуп, за что, собственно, и поплатился. Здесь не так уж много образованных людей, чтобы я позволял тебе махать киркой среди всего этого сброда. Будешь десятником, и смотри мне... – Федерико покачал пальцем перед моим носом.

Это происшествие не только увеличило мое жалование, но и улучшило условия жизни. Мне отвели место в другой палатке, в которой ночевали всего три человека. Кормили из общего котла, так что от чечевичной похлебки с запахом говядины избавиться не удалось.

С рабочими контакт налаживался труднее. Местные привыкли к силе, и если начальник не размахивает плетью и не ругается, то его считают слабаком и откровенно игнорируют. Махать плетью я не собирался. Собрал свою десятку и объяснил, что орать, надрывая горло, не стану, но тому, кто будет филонить, вышибу вечером несколько зубов. Для начала. Меня не поняли. Подкрепил слова делом. Виновный долго харкал кровью, но это подействовало, и рабочие начали шевелиться гораздо активнее. У южан, как правило, низкий болевой порог. Достаточно дать им в зубы, чтобы они перестали возмущаться и начали охать, изображая умирающих.

Не знаю, будет ли вам интересно, но расскажу немного о лагере, в котором я поселился. Палаточный городок из десяти навесов, сделанных из грубой парусины, где работало около пятидесяти человек. Пять европейцев, прибывших вместе с Линаресом, и сорок наемных рабочих. Работы проводились в семи километрах на восток от Базалета. Здесь, в районе

– Для начала хотел бы купить одежду.

Торговался старик так, что у меня начала болеть голова, но что оставалось делать? Хотя эти земли и принадлежали испанцам, нравы здесь были еще мусульманскими. Мы торговались не меньше часа, прежде чем купец смахнул со лба пот и предложил выпить чаю. То ли это комплимент моему упрямству, то ли он и правда умаялся, бедняга.

Жалованье у меня было небольшим, но я уже мог себе позволить некоторые покупки. Вот и приобрел после утомительного торга две пары холщовых рубах, широкий кожаный пояс с двумя потайными карманами и штаны из парусины. Купил бы и больше, но кошелек не бездонный, а деньги приходилось экономить. Когда мы закончили, я направился к дверям, но вдруг остановился и прикоснулся рукой ко лбу, словно вспомнил нечто важное. Торговец выжидающе прищурился.

– Я прибыл издалека и не знаю, у кого попросить совета по поводу камня, который мне напоминает о родине. С радостью его хранил бы и дальше, но обстоятельства не позволяют этого делать. Вы не подскажете, к кому мне обратиться?

– Нет нужды далеко ходить. – Он развел пухлые ручки. – Можете показать камень мне, и если он и правда хорош, то нам останется лишь обсудить цену...

Через час, продав один из найденных на убитом камней, я подходил к баням. Подозреваю, что купец изрядно меня надул, но кто из нас без греха? Тем паче что причин жаловаться не было. Отделавшись от одного камня, я купил пару отличных сапог из рыжей кожи и жилет, доходивший почти до середины бедра. В общем – приоделся немного. Хотел купить и шляпу, но такого товара в лавке не оказалось. Ладно, обойдемся платком. В кармане позвякивали четыре серебряные монеты с арабской вязью, которые ходили здесь наравне с испанскими. Еще одну – золотой эскудо – убрал в кошелек. Если подсчитать все мои финансы, то на данный момент у меня было двадцать шесть серебряных монет, не считая золотого и пригоршни меди. Для сравнения: мое недельное жалованье – пятнадцать серебряных реалов, или двадцать два арабских дирхема.

Бани впечатляли. Традиционно здешние бани состояли из трех или четырех залов. Это высокие каменные здания со сводами в виде куполов и с множеством колонн, увенчанных капителями. В первом зале находились купели с холодной водой, во втором – с теплой и так далее, пока вы не попадали в зал с горячими ваннами, где уже сновали торговцы, разнося еду и напитки. Вин, как вы понимаете, не предлагали. Европейцы здесь редкие гости, а местные предпочитают арабское питье. Чай, лабан и нечто похожее на камар ал-дин – напиток, изготовленный из сушеных абрикосов. Я провел здесь больше трех часов, избавляясь от въевшейся в кожу грязи и паразитов. До конца не избавился, но все равно стало легче...

12

– Глупцы! – фыркнул Линарес и пьяно покачнулся в седле. – Эти недоумки попирают несметные богатства, валяющиеся прямо в пыли, но даже и не подумают нагнуться, чтобы их поднять! – Он сжал кулак и выставил его перед собой. Немного помолчав, тяжело вздохнул и обреченно махнул рукой. Обед у губернатора, судя по его виду, прошел не лучшим образом.

– Какие-то проблемы, сеньор?

– Проблемы? У меня нет проблем, Серхио! Не будь я Федерико Гарсия Линарес, черт меня раздери, найду управу на этих властительных недоумков!

– Как скажете...

Судя по выпученным глазам и растрепанному виду, он был настроен очень решительно. Так решительно, что заснул прямо в седле, и мне приходилось присматривать, чтобы он не свалился на землю.

Пока он дрых, у меня была возможность подумать про Рыжего, сдохшего в подземелье. Итак... Тип лица у этой твари был вполне европейским. Я бы даже сказал, что он англичанин. Имени рабочие не назвали, а расспрашивать не хотелось. Прибыл сюда вместе с Линаресом или появился до этого – неизвестно. Темная лошадка. Очень темная.

Была и еще одна загадка, которая откровенно смущала.

Если вы не забыли старика, который наведился к развалинам башни, то помните, что он привел и солдат. Мало того – отвел их в подземелье, откуда они вытащили тело.

Вот именно здесь и появлялись первые вопросы...

Если старик знал о тайне этого зала, то какого черта потащил туда солдат? Они не так глупы, чтобы не обратить внимания на мозаику и непонятные сферы на полу. Клады в этих краях не редкость, так что к заброшенным подземельям относились с должным почтением и вниманием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.